

Елена
Михалкова

Панцы
марионеток

Елена Ивановна Михалкова
Танцы марионеток
Серия «Расследования Макара
Илюшина и Сергея Бабкина», книга 8

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183017
Танцы марионеток: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-085556-8*

Аннотация

Всю жизнь мы играем в куклы... Сначала родители покупают их в магазине или мы пытаемся смастерить сами. Затем превращаем в кукол своих детей – выстраиваем для них «счастливое» будущее. Или играем судьбами других людей... Почему бы нет?! Ведь нам видней как правильно жить!

Но меняются лица, меняются роли и вот... мы уже сами под пристальным наблюдением кукловода.

Сыщик Сергей Бабкин видел в своей жизни много всякого. Но вовсе не ожидал, что простой поиск дочери миллионера, превратится для него в смертельно-опасное задание.

Слишком уж много беспринципных и расчетливых людей оказались в зоне его внимания. И каждый из них стремится заполнить марионетку для своей игры.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	46
Глава 4	67
Глава 5	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Елена Михалкова

Танцы марионеток

Сделать настоящую марионетку не так-то просто. Это довольно сложная и кропотливая работа.

Но результат того стоит.

Из инструкции к изготовлению самодельных марионеток

Глава 1

Снег все падал, падал, падал, словно кто-то наверху вытряхивал из опрокинутой тучи подмокшую манку, а она никак не кончалась. Снег облеплял девчонку, и Марте Рудольфовне подумалось, что скоро та станет похожа на сахарную вату, но не пушистую и воздушную, а скомканную, будто смятую потной маленькой ручкой. И снизу из ваты – не белой, нет, а грязновато-серой, как этот снег, – будут торчать вместо палочки две тонкие ножки в ботинках на огромной платформе.

В памяти всплыло любимое, многократно читанное: «О, гляньте на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне ревет мне отходную, и я вою с ней. Пропал я, пропал. Негодяй в грязном колпаке – повар столовой нормального питания служа-

щих центрального совета народного хозяйства – плеснул кипятком и обварил мне левый бок. Какая гадина, а еще пролетарий. Господи боже мой – как больно! До костей проело кипяточком. Я теперь вою, вою, да разве воем поможешь...»

Да, на левом боку белого пуховичка девчонки расплывалось грязное пятно – откуда, собственно, и появилась мысль о поваре и псе, потащившая за собой цитату. Хромоту Марта Рудольфовна успела заметить за те несколько секунд, что замарашка ковыляла от двери рестораника. Теперь она стояла, нахохлившись, сунув руки в карманы, и даже через залепленное снегом окно кофейни Марта Рудольфовна видела, что она плачет. Над головой девчонки переливалась огнями вывеска, и старуха вскользь удивилась, почему эту жалкую ссутулившуюся фигурку в дешевом пуховике и забрызганных грязью джинсах не отгонит прочь швейцар.

– Она портит вид, – проговорила Кристина, словно подслушав ее мысли. – Готова ручаться, ее бросил прыщавый длинноволосый мальчик, и сердце несчастной разбилось. Марта, дорогая, ты все еще хочешь заключить пари?

Марта Рудольфовна сделала небрежный жест рукой, который допускал с десятков истолкований, – она была большая мастерица таких жестов. В коротком взмахе длинных сухих пальцев, унизированных кольцами, читались и превосходство, и легкая насмешка над спутницей, придававшей слишком много значения всякой ерунде, и подчеркнутое безразличие к тому, будет ли их разговор иметь продолжение. Жест

был рассчитан на то, чтобы задеть, и старуха своего добила – Кристина хмыкнула и уже настойчивее сказала:

– Неужели отказываешься? Нет, Марта, так нечестно!

– Легкий выигрыш. – Старуха пожала плечами.

– Тем более нет повода идти на попятную! В конце концов, я не думаю, что девушка согласится. Девять шансов из десяти, что ты получишь хамский ответ в стиле современной молодежи и останешься ни с чем.

– А девушку никто не будет спрашивать, – насмешливо бросила Марта Рудольфовна, поднимаясь. По ее взгляду учтивый мальчик-официант метнулся за шубой. – Встретимся через пару месяцев. И, пожалуйста, побереги мой выигрыш.

Стеклянная дверь кофейни распахнулась, выпустив наружу теплый, пропитанный запахом кофе и сладостей воздух, и Марта Рудольфовна вышла в облаке этого аромата, усмехаясь про себя. Итак, первый малюсенький шаг сделан. Игра началась.

Швейцар, стоявший под козырьком ресторана, видел, как из кафе напротив появилась высокая пожилая дама с тростью, в длинной норковой шубе. Обернувшись и помахав кому-то, оставшемуся внутри, дама подняла трость и слегка встряхнула рукой: трость, оказавшаяся зонтом, раскрыла над ее головой черный поблескивающий купол, такой большой, что под ним легко поместился бы еще один человек.

«Сейчас будет переходить через дорогу, ее обрызгают грязью с головы до ног, — с легким злорадством подумал швейцар — он не любил состоятельных дам в шубах, считая их сытыми бездельницами, плюющими на окружающую среду. — Отдаст в химчистку, шубка-то тю-тю!»

Дама, не знаящая об уготованной ее шубе судьбе, направилась к дороге и, не замедлив шаг ни на секунду, ступила на проезжую часть. Пара машин вежливо остановилась, пропуская ее на переходе, и владелица зонта-трости перешла на другую сторону, не испачкавшись.

Швейцар следил за тем, как она приближается уверенным, хоть и неторопливым шагом. Теперь он видел, что хозяйке роскошной шубы и элегантного зонта не меньше семидесяти, а то и больше. Лицо белое, словно припудренное, глаза яркие, темные, как у цыганки, губы подкрашены помадой вишневого оттенка. Нос — хищный, крупный...

«Экстравагантная старуха!»

Он надел на лицо любезную улыбку и приготовился распахнуть дверь, но в следующую секунду пожилая дама, скользнув по нему безразличным взглядом, свернула и пошла к ревущей девице, на которую он последние пять минут поглядывал недовольно. «Знакомая, что ли?» — предположил швейцар, косясь на них.

— Что вы здесь делаете? — без всякого предисловия властно осведомилась старуха низким скрипучим голосом.

Девица даже дернулась от неожиданности, подняла опух-

шее красное лицо. Внешность у нее была неказистая, это швейцар отметил сразу, как ее увидел.

– В каком смысле?

– Ждете друга? Прогуливаете собачку? Собираетесь поужинать в ресторане?

В интонациях пожилой дамы прозвучала насмешка, и де-вушка покраснела сильнее.

– Не ваше дело, – донеслось до швейцара. – Вы вообще кто, чтобы такие вопросы задавать?

«Нет, не знакомая, – удивленно подумал он. – Может, крыша съехала у бабульки?»

– Ваш потенциальный работодатель, – ответила старуха с насмешкой. – Вы не ответили на мой вопрос. Итак, что вы здесь делаете?

– Я тут просто стою, – ответила девица с вызовом. – А что, запрещено?

Она шмыгнула носом и, порывшись в кармане, извлекла скомканный платок, в который высморкалась с трубным звуком.

– Чего вам от меня надо? Черт, уберите вы свой зонт!

Размокший снег съехал с края зонта и шмякнулся прямо на ботинок девице. Но на ее возмущенное восклицание хозяйка зонта не отреагировала: стояла, задумчиво рассматривая девчонку, и не сдвинулась ни на шаг.

– Просто стойте... – повторила она. – Не самое подходящее место для того, чтобы просто стоять, вы не находите?

Впрочем, дело ваше. Скажите, вы умеете обращаться с пылесосом?

И, не дождавшись ответа, деловито добавила:

– Я хочу предложить вам службу. Мне в срочном порядке требуется домработница. На первый взгляд вы, конечно, медлительны для этой деятельности, но, полагаю, вас можно обучить. Наука нехитрая.

Девушка уставилась на нее во все глаза.

– Боже, ну что вы тараканитесь? – с нарастающим раздражением осведомилась старуха. – На органы я вас продавать не собираюсь, поскольку и так вижу, что ничего ценного, кроме гастрита, из вас не извлечешь. В качестве проститутки вы тоже мало соблазнительны. Если вы опасаетесь, что я могу подсунуть вас своему супругу для развлечения с молодым костистым телом, то утешу: мужа у меня нет. Я вдова.

Она подумала и прибавила:

– Предупреждаю сразу, трудиться придется много. Приступать к работе нужно с завтрашнего утра.

На полудетском личике отразилось сначала недоверие, затем злая насмешка.

– А что же не с сегодняшнего вечера? – Девушка наконец-то пришла в себя и даже подбавила в голос искреннего удивления. – И, кстати, в агентство вам обратиться никак, да? А, поняла! Вы, наверное, привыкли домработниц на улице находить? Ну, чтобы комиссионные не платить, или как там это называется...

Марта Рудольфовна огорченно покачала головой.

– Ах, еще и глупа... – пробормотала она будто бы самой себе. – Прощайте, голубушка.

Аккуратно обошла девушку и пошла прочь, покачивая зонтом над головой. Ошеломленно глядя ей вслед, швейцар обратил внимание, что сапожки у старухи замшевые («замшевые! по слякоти!»), с кокетливой бахромой, едва прикрытой широкими клетчатыми брюками.

– Подождите! – срывающимся голосом вдруг крикнула девица и бросилась вслед за дамой. – Постойте!

Ветер из подворотни зло швырнул ей в лицо мокрым снегом, одна нога на ледяной дорожке съехала вперед, словно обутая в конек, и девушка, взмахнув руками, едва не упала. Чудом удержав равновесие, она ухватилась за стену и завопила снова, отчего на нее стали оборачиваться прохожие:

– Подождите! Черт, да не уходите вы!

Марта Рудольфовна остановилась, неторопливо повернула голову. Разумеется, девчонка тут же поковыляла к ней, морщась от боли.

– Простите, пожалуйста, – выговорила она, подойдя ближе. – Вы сказали, у вас есть для меня работа?

Марта Рудольфовна не отказала себе в удовольствии выдержать паузу: прикрыла глаза морщинистыми веками, слегка поджала нижнюю губу, словно собираясь отказать... Но в последнюю секунду прошила девицу насквозь взглядом (знала, знала, как ее взгляд действует на людей!) и кивнула, сни-

зойдя до замарашки.

– Я умею убираться и готовить, – заторопилась девчонка, грубившая всего минуту назад. – Гладить могу. Гулять с собакой!

Старуха хмыкнула:

– Последнее особенно ценно, учитывая, что я не держу животных. Что еще вы умеете?

На лице девицы промелькнуло отчаяние: она явно судорожно соображала, что бы придумать.

– Я жду! – поторопила Марта Рудольфовна.

– Могу печатать на компьютере! – выпалила девчонка. – И на машинке, на печатной. Немного вышивать умею. А, петь!

– Боже меня упаси от вашего пения, – ужаснулась Марта Рудольфовна. – Что ж, хорошо... – Она окинула щуплую фигурку с ног до головы испытующим взглядом. – Пожалуй, я вас возьму на пробный срок. Предупреждаю сразу: работать придется в основном за харчи и крышу.

– Это как? – растерялась девица.

– Это так, что жить вам предстоит у меня, и есть вы будете с моего стола и за мой счет. Поэтому платить я вам стану немного. Вы учитесь?

Девица отрицательно покачала головой.

– Тем лучше. Никаких отлучек из дома без моего разрешения, никаких встреч с подружками-друзьями. Мне нужна домработница, которая всегда под рукой. У вас не будет выходных дней, вы не сможете пойти в гости без моего раз-

решения, а я не намерена его давать. Вы должны исполнять мои капризы, расшибаться в лепешку, а перечень ваших обязанностей будет весьма обширным.

– А мужчины у вас в доме есть? – хмуро спросила девчонка – не иначе, решила, что сейчас ее поведут в вертеп.

– И не надейтесь, – фыркнула Марта Рудольфовна. – Никаких мужчин, голубушка. И от вас, кстати, я буду требовать крайне сдержанного поведения в этом отношении. Итак, вам придется убираться, драить за мной биде и унитаз, стелить постель, стирать, гладить, а также быть у меня на побегушках. Согласны?

– Да. – Ответ был дан без колебаний.

«Эк тебя прижало, – хмыкнула про себя Конецкая. – А Кристинка дура, да. Ничего в людях не понимает. По *этой* сразу было видно, что она на все согласится, если правильно к ней подойти, не дать подумать... Большинство людей, если не давать им времени на размышления, принимают верные решения».

– Тогда идите за мной. Кстати, меня зовут Марта Рудольфовна.

Идти пришлось недолго. Марта Рудольфовна шла под зонтом, держась очень прямо, не пригибаясь от разыгравшейся мокрой метели, и была похожа на престарелую Мэри Поппинс, занесенную в Москву в конце февраля западным ветром. Девчонка семенила за ней, держась в нескольких ша-

гах, и на нее сносило снег с края зонта.

Они завернули во двор и вскоре очутились перед десятиэтажной желто-серой «сталинкой». Просторный и очень чистый, слабо пахнувший хлоркой подъезд, скрипящий лифт, длинный коридор с неожиданно простеньким полосатым половичком из тех, что бабушки продают на рынках, черная дверь внушительного вида... Старуха порылась в кармане, достала ключ, но не вставила его в замочную скважину, а постучала по двери: три коротких удара, два длинных, три коротких.

– Вытирайте ноги, – приказала она, по-прежнему не оборачиваясь и не глядя на девушку. – Вашу кацавейку можете повесить в шкаф, только подальше от приличной одежды.

Девчонка, промолчав, вошла следом за Мартой Рудольфовной, остановилась, оглядываясь вокруг.

В прихожей их никто не встретил, так что непонятно было, кто же отворил дверь. Зеркало в бронзовой раме отразило старуху, успевшую сбросить свою шубу, и сутулую фигурку, топчущуюся на коврике. Слева и справа начинались шкафы с множеством дверец, похожих на вход в сказочное королевство, с потолка свисали люстры из темного, как кофейные зерна, стекла, а на тумбочке перед зеркалом раскинулся в вазе букет кроваво-красных маков, умноженных вдвое отражением, – Юлька не сразу поняла, что они искусственные. Обстановка прихожей, на ее вкус, была мрачноватой, под стать хозяйке квартиры.

– Не стойте, как баран, голубушка, – донеслось до Юльки, и она, вздрогнув, сообразила, что старуха успела уйти в другую комнату. – Раздевайтесь.

Девушка торопливо повесила куртку на вешалку и покраснела, вспомнив брошенную вскользь фразу о приличной одежде, стянула ботинки, с которых успела натечь изрядная лужа – хорошо еще, что на коврик, а не на паркет, – и одернула свитер.

– Проходите сюда, – раздалось откуда-то из глубины квартиры. – Да что вы там копаетесь?!

С трудом оторвав взгляд от блестящего паркета, Юлька пошла на звяканье посуды и оказалась в кухне-столовой, где старуха уже налила себе чай из огромного белоснежного фарфорового чайника. Кухня была просторной, с абстракциями на стенах и такими же светильниками – «кофейными зернами», что и в прихожей. Здесь сильно пахло зеленым чаем с жасмином и едва слышно духами с нотами ириса. Запах парфюмерного ириса Юлька любила и легко узнавала.

Марта Рудольфовна расположилась на стуле, закинув ногу на ногу, и помешивала ложечкой в чашке, от которой поднимался пар. Юлька не отличалась наблюдательностью, но сообразила, что за короткое время, пока она топталась возле двери и решала, куда повесить куртку, чайник не успел бы вскипеть. И тем более хозяйка не успела бы заварить чай. «Значит, кто-то сделал это за несколько минут до того, как мы пришли. Интересно, где этот „кто-то“ и почему он не по-

казывается?»

Старуха сидела неподвижно – только костлявые пальцы вращали позвякивавшую ложечку, выписывая круги. И сама она оказалась костлявая, длинная и сухая, как ветка. Из гладкого иссиня-черного пучка хищным акульим плавником торчал гребень. Черная водолазка с высоким воротником, клетчатые брюки, на шее серебряная цепь, и все пальцы в перстнях: Юлька заметила, что правилу не носить одновременно золото и серебро Марта Рудольфовна не следовало. Кивком головы она указала на стул, и девушка послушно присела.

– Что вы делали возле ресторации? – прервала молчание старуха.

– Меня обещали взять туда администратором. А потом оказалось, что...

– Правильно сделали, что не взяли. – Старуха прервала ее на полуслове, вынула ложечку и положила на блюде. – Администратор из вас, как из дырки кукиш. Ни к одному приличному заведению вас и близко подпускать нельзя. А что это вы вскочили, голубушка? Сядьте на место, я не закончила. И на будущее запомните: если я говорю, вы должны слушать молча, не прерывая меня. Если правда глаза колет, можете зажмуриться, я вас пойму.

Она сделала паузу, но Юлька молчала, прикусив губу.

– Жить будете в маленькой комнате, – продолжила старуха, не дождавшись ответа. – Вам ее покажут. Повторюсь: все отлучки из дома – только с моего разрешения, поскольку вы

мне можете понадобиться в любой момент. Как вас зовут?

– Юля.

– Придется привести вас в порядок, Юля, поскольку у меня бывают гости, а в таком виде... впрочем, вы сами понимаете...

Она окинула девушку сочувственным взглядом.

– Помыть-причесать... – пробормотала Марта Рудольфовна, словно разговаривая с самой собой, – и можно не краснеть перед знакомыми за прислугу. Да, вашим внешним видом я займусь сама – чуть позже.

Она посмотрела на девчонку из-под прикрытых век и, усмехнувшись про себя, подумала, до чего предсказуемо большинство двуногих. Мужчины, конечно, в большей степени, нежели женщины, но и вторые не отличаются многообразием реакций.

Девчонка явно с трудом сдерживала возмущение и в то же время ужасно нервничала: руки с обкусанными ногтями безостановочно теребили край свалывшегося свитера.

– Да, и вас, само собой, нужно будет переодеть, – ровным голосом добавила Марта Рудольфовна. – Свое тряпье отдадите бомзам. Если, конечно, они на него польстятся.

Разумеется, девица не выдержала: распрямила спину и спросила высоким, как ей, наверное, казалось, – а на самом деле писклявым – голосом:

– Простите, зачем же вы меня позвали работать у вас? Я вам не нравлюсь, выгляжу не так, как вы хотите...

– Другие еще хуже, – отмахнулась старуха, снова перебив ее на полуслове. – К тому же вы не безнадежны – по крайней мере, на первый взгляд. Было бы очень жаль разочароваться, и я надеюсь, что этого не случится. С вопросами закончили? Если да, пойдемте, я покажу вам вашу комнату.

– Сколько я буду получать? – Юля по-прежнему теребила свитер.

– Марта Рудольфовна, – поправила старуха.

– Сколько я буду получать, Марта Рудольфовна?

– Для начала – семь тысяч в неделю. А там посмотрим.

Девица не смогла скрыть удивления – ну разумеется, после слов о том, что она будет работать за стол и харчи, эта сумма не могла ее не обрадовать. Марта Рудольфовна читала по лицу девчонки все ее нехитрые мысли: «Семь тысяч в неделю?! Получается в месяц двадцать тысяч рублей с лишним, на всем готовом... Можно жить!»

Возможно, мысли девчонки несколько отличались от тех, что представила Марта Рудольфовна, но она явно обрадовалась названной сумме. Старуха снова вспомнила Шарика, которому сунули кусок краковской: «За вами идти? Да на край света. Пинайте меня вашими фетровыми ботиками, я слова не вымолвлю».

– Если мне что-нибудь не понравится – выгоню, голубушка, без колебаний, так и знайте, – тут же предупредила Марта, поднимаясь, и сделала знак, чтобы девушка следовала за ней.

Юлька рысцой побежала за хозяйкой, едва не опрокинув стул, и в коридоре налетела на невесть откуда появившуюся толстую женщину во фланелевом халате, стоявшую к ней спиной и державшуюся за стену. Из-за приоткрытой двери справа от тетки выглядывало сосредоточенное бледное женское лицо в обрамлении темных волос.

– Ой... здрасте! Извините!

Извинений не услышали, потому что одновременно раздался недовольный голос Марты Рудольфовны, успевшей дойти до прихожей:

– Валентина, зачем вылезла? У тебя тихий час по расписанию.

– А я его сократила немного, – мирно возразила та, кого старуха назвала Валентиной. – Услышала шум – дай, думаю, посмотрю, кто пришел.

С этими словами она обернулась к Юльке, и той стало видно, что лет ей примерно столько же, сколько Марте Рудольфоне. Но если в Конецкой аристократизм читался за версту, то в Валентине так же легко узнавалась «подъездная бабушка» из тех, что в любую жару сидят на скамеечках в пальто и толстых распухших тапочках. На круглом одутловатом лице с двумя рыхлыми подбородками, с обвисшими веками, с кожей в красноватых капиллярах приковывали к себе внимание светлые голубые глаза, заставляя забыть о подбородках, веках и прочем. «Взгляд, как у собаки, которая потеряла любимого хозяина, – неожиданно подумала Юлька. – Или как

у хозяина, потерявшего любимую собаку».

Старушка моргнула, и выражение, которое Юлька приняла за страдание, исчезло из ее взгляда. Перед ней стояла расплывшаяся пожилая седая женщина и рассматривала ее с доброжелательным интересом.

– Познакомься, – подала голос Марта Рудольфовна, обращаясь к старушке, – это Юля, наша новая прислуга. Она будет у нас жить.

Поздно вечером, когда Марта Рудольфовна сидела в гостиной и курила, рассматривая альбом с фотографиями, в комнату, прихрамывая, вышла Валентина.

– Где Лия? – резко спросила Марта, вставая и придерживая подругу под локоть.

– У себя... спит... Ничего, я сама.

С оханьем и кряхтением она опустилась в кресло, вытянула толстые слоновьи ноги с уродливо оттопыривавшимися большими пальцами в шерстяных носках. Руки сложила на коленях и с отсутствующим выражением уставилась в окно, за которым по-прежнему сыпал снег.

– Даже не верится, что через два дня – календарная весна, – заметила Марта Рудольфовна, закрывая фотоальбом. – Согласись, Валя, в этом мерзком климате мы с тобою прозябаем! Представь: жили бы на юге Франции, торговали вином из собственных виноградников... Может, были бы владельцами небольшой картинной галереи...

Она сделала паузу, но Валентина по-прежнему молча смотрела в окно.

— Кстати, раз уж речь зашла о картинах, — продолжала старуха светским тоном, — у Мансурова вскоре должна состояться выставка. Если не ошибаюсь, снова эти его бесконечные цветочные темы, хотя нельзя исключить, что на этот раз он наконец-то изменит...

— Марточка, — негромко сказала Валентина, и Марта Рудольфовна замолчала. — Скажи мне, дорогая, зачем ты привела эту девочку? Только прошу, — добавила она, не дав себя перебить, — не говори мне, что ты сделала это просто так. Ты сделала это с какой-то целью. Не правда ли?

Глава 2

Пока Бабкин с Илюшиным поднимались по лестнице на второй этаж, следуя за худеньким китайцем, с серьезным лицом представившимся дворецким Олега Борисовича, Сергей успел оценить сопровождение как никуда не годное: парни вели их неграмотно, слишком много разговаривали, делая при этом чересчур мрачные физиономии. «Позеры», – фыркнул он про себя. Впрочем, гладко выбритый, узколицый мужчина в костюме, встретивший их возле дверей кабинета, произвел на него более серьезное впечатление. Мужчина даже улыбнулся ему и Макару, а «мальчики» шли с такими лицами, будто им сделали уколы, обездвижившие мускулы лица.

Дворецкий скрылся внутри, выглянул почти сразу, и Сергей от души порадовался, что их не заставили ждать. Илюшин держался спокойно, как всегда, но Бабкин чувствовал, что напарнику не нравится суэта вокруг них.

– Олег Борисович готов вас принять, – без акцента сказал китаец, придерживая дверь перед ним и Макаром.

Сперва в нее проскользнул бритый и тут же исчез, растворившись в недрах длинной прямоугольной комнаты. Высокие шкафы по обеим стенам словно охраняли дорогу к столу, за которым сидел маленький крепыш лет сорока с желтоватым лицом и короткими черными волосами, такими густы-

ми и блестящими, что, казалось, на голову ему нахлобучили плотно облегающий шлем. Свободная джинсовая рубашка делала его похожим на торговца, которому не хватает только широкополой плетеной шляпы для защиты от солнца. Из сбитого на сторону короткого носа топорщились волоски.

Когда Макар и Сергей подошли ближе, человек не встал, а лишь указал им на стулья. Короткие бровки над небольшими прищуренными глазами слегка поднялись вверх при виде Бабкина, а вот по Илюшину Тогоев только мазнул взглядом – явно видел его раньше на фотографиях.

– Присаживайтесь, присаживайтесь, – сказал он торопливо высоким голосом. – Вы, значит, Макар Илюшин, а вы....

– Сергей Бабкин, – представил напарника Илюшин, не сядя. – Приятно познакомиться, Олег Борисович.

– Да, мне тоже....

Поколебавшись, Тогоев все-таки встал, протянул руку через стол и поочередно пожал руку Бабкину и Макару. Рукопожатие у него оказалось крепкое, хотя мягкая короткопалая ладошка производила впечатление скорее руки ребенка, а не мужчины сорока с лишним лет.

На столе перед Олегом Борисовичем стоял открытый ноутбук, возле которого валялись шкурки мандаринов – не меньше чем от пары-тройки килограммов, подумал Сергей.

– Люблю мандарины, – развел руками предприниматель, поймав его взгляд. – Каждый день по четыре кило съедаю. Не верите? Ей-богу! Врачи говорят, пора завязывать, пожелтел

уже весь от мандаринов, а я никак остановиться не могу.

Он хохотнул, и Бабкин на секунду увидел перед собой другого человека – веселого, жизнелюбивого крепыша, поедającego сладкие сочные фрукты и брызжущего соком на монитор компьютера. «Вот почему кожа желтоватая, – подумал он, рассматривая лицо Тогоева, вблизи и впрямь имевшее светло-оранжевый оттенок. – Ну конечно, если по четыре килограмма в день лопать...»

Встречу назначили в таком срочном порядке, что Илюшин с Сергеем не успели ничего выяснить о потенциальном клиенте, и Бабкину это не нравилось. Он никак не мог понять, что за человек перед ними.

– Дело заключается в следующем: я хочу, чтобы вы ее нашли, – без всякого перехода сказал Тогоев, садясь в кресло, и Бабкин не сразу понял, что тему мандаринов уже закрыли. Олег Борисович насупился и стал похож на жучка.

– Кого? – Макар подвинул стул ближе, покосился на Бабкина, и тот достал из кармана блокнот.

– Мою дочь. Она исчезла около полутора месяцев назад. Сергей и Макар переглянулись.

– И вы только сейчас решили нанять детективов, чтобы ее разыскать? – с легким удивлением спросил Илюшин.

– Нет, не так.

Олег Борисович вдруг нырнул под стол и исчез там на пару секунд. Когда он вынырнул, в руке у него был мандарин, который он тут же очистил с ловкостью обезьяны. От стола

брызнул радостный мандариновый запах.

– Что вам рассказал Костик? Повторите! – потребовал он, разделяя оранжевый плод на дольки.

– Практически ничего, – пожал плечами Макар. – Ваш помощник объяснил, что вы хотели бы встретиться с нами, поскольку мы специализируемся на розыске пропавших людей, и это как раз то, что вам нужно. Никаких уточнений не было.

– Ясненько. Тогда по порядку: у меня есть дочь, полтора месяца назад она ушла из дома, оставив мне записку. В записке прямо говорилось, что она уходит пожить к подруге, хочет самостоятельной жизни и просит ее не искать, потому что возвращаться в родной дом она не собирается. Мы ссорились... – Он поморщился, видимо, припоминая их размолвки. – Да, чуть не забыл: Юльке недавно исполнился двадцать один год, поэтому искать ее с милицией нет смысла – она уже взрослая.

Он сдвинул корки от мандарина в общую кучу.

– Олег Борисович, простите за вопрос: Юля вам родная дочь? – уточнил Макар, воспользовавшись паузой.

Тогоев усмехнулся.

– Вы правы, – сказал он. – Не буду скрывать, что я равнодушен к ее судьбе. Вы ведь это имели в виду, задавая свой вопрос?

– Обычно родители пропавшего ребенка несколько иначе реагируют на вопросы о нем, – уклончиво ответил Макар.

– Она мне родная дочь, но долгое время провела с мате-

рю в Америке. С Агнессой – это ее мать – мы давно в разводе, а разошлись, когда дочери было около двенадцати лет. У Юльки средней паршивости экономическое образование, но применять его в Америке она не пожелала и, когда мать умерла, вернулась ко мне. Агнесса была с прибабахом, и дочь у нее получилась такая же.

– В каком смысле – с прибабахом? – не удержался Макар.

Олег Борисович задумался, и с его лицом стало происходить что-то странное. Он наморщил нос, сложил губы так, словно собирался зашипеть, и обнажились короткие крепкие зубы с желтой каймой; затем зажмурился и вдруг успокоился – лицо расслабилось и стало похоже на маску китайского божка.

Илюшин с Сергеем переглянулись. «Большой вопрос – кто у вас в доме с прибабахом», – подумал Бабкин, наблюдая за мимикой предпринимателя.

– В нормальном состоянии моя жена ничем не отличалась от тысяч таких же куриц, как она, – сообщил Тогоев, не открывая глаз. – Но иногда с ней случались вспышки... такие вспышки...

– Приступы ярости? – пришел на помощь Илюшин.

– Не совсем. – Олег Борисович наконец открыл глаза и просверлил Илюшина взглядом. – То есть да, ярость тоже была. Но она как будто превращалась в другого человека и начинала действовать хладнокровно и обдуманно. Встречал я вспыльчивых людей, которые взрываются сразу же, но Аг-

несса была не из таких: если ее что-то выводило из себя, она ничем этого не показывала, а держала в себе. Зато спустя какое-то время могла на ровном месте устроить такое! После того как я отмазал ее от двух уголовных дел, мне это надое-ло, и я с ней развелся. Отправил как можно дальше от себя, чтобы она не вздумала выкинуть чего-нибудь похожего по отношению ко мне. У нее ума бы хватило! И, как показала жизнь, правильно сделал...

Он замолчал, и по лицу его Илюшин понял, что продолжения об Агнесе не будет.

– Ваша дочь унаследовала эту... особенность? – В последний момент он заменил слово «расстройство» более корректным.

– А хрен ее знает, – почти с удовольствием сказал Того-ев. – Яблочко от яблони недалеко падает. Я думаю, что унаследовала, – пару раз бывало, что она застынет и смотрит на меня таким же взглядом, как у матери: глаза тупые, неподвижные, а губу жует, как будто съесть хочет. Но ничего, обходилось. Попробовало бы не обойтись!

Он хохотнул, покосился на дверь, за которой стояли телохранители.

– Последний год она жила в моем доме и отчего-то считала, что я обязан ее содержать и выполнять ее прихоти только потому, что мы с ней биологически кровные родственники. Большое заблуждение, должен сказать. Повторюсь, чтобы не было непонимания: я не сильно буду переживать за Юлькину

жизнь. На протяжении года она ныла, выпрашивала у меня деньги, трепала мне нервы и изводила прислугу. Собственных денег у нее практически нет, потому что я давал ей понемногу – надеялся, что это послужит стимулом для поиска работы. Не послужило.

– Зачем в таком случае вам нужно ее искать?

– Я баллотируюсь в Законодательное собрание Московской области, – сказал Олег Борисович, становясь серьезным и четко выговаривая каждое слово. – Если в решающий момент в газетах появится информация, что моя единственная дочь была задержана в наркопритоне или застукана с тремя мужиками в сауне, то... В общем, вы и сами все понимаете. У меня полно врагов, как у всякого умного и успешного человека, и они вцепятся в подобную историю, как собаки в кость. Не могу этого допустить.

Бабкину пришло в голову, что в таком случае лучшим вариантом для Олега Борисовича было бы вовсе избавиться от дочери, но Тогоев будто прочитал его мысли:

– Когда я найду Юльку – когда *вы* ее найдете, – приставлю к ней своих людей, чтобы быть в курсе ее жизни. Тащить дочь обратно ко мне не нужно, я просто хочу знать, с какой стороны следует опасаться удара. Скорее всего, она живет у какой-нибудь подруги, транжирит чужие деньги – это единственное, что Юля умеет делать. Но я должен быть спокоен.

– Итак, вы хотите, чтобы мы узнали, где живет ваша дочь, – уточнил Макар. – На этом наша задача будет выпол-

нена?

– Полностью, – подтвердил Тогоев. – Нет, секундочку! Если это возможно, я хочу, чтобы вы выяснили, чем она занимается. Я имею в виду, работает ли, с кем живет... Да, одно важное условие: когда вы ее найдете, не пытайтесь общаться с тем человеком, у которого она обосновалась. Он ее предупредит, и таким образом вы Юлю спугнете. У меня уже есть неприятный опыт... – он помрачнел. – Не хочу, чтобы Юльку пришлось заново выслеживать. Стоимость вашей работы... – Он быстро написал несколько цифр на вырванном из блокнота листе бумаги, придвинул его к Илюшину. Тот бросил короткий взгляд, кивнул и вернул листок Тогоеву.

– Кто-то уже искал девушку, Олег Борисович? – вступил в разговор Бабкин.

– Моя служба безопасности, – нехотя сказал тот, насупив короткие, словно обритые с краев, брови. – Безрезультатно. Поэтому я и хочу, чтобы за это дело взялись вы. Все данные будут вам предоставлены.

Словно в продолжение этой фразы, он повернул к ним ноутбук, щелкнул клавишей мыши, и на экране появилась фотография девушки.

– Моя дочь, – прокомментировал Олег Борисович. – Относительно недавний снимок.

Бабкин с интересом взглянул на снимок Юлии Тогоевой. Она оказалась невысокой, худой, выглядевшей младше своего возраста и довольно несимпатичной. Было в чертах

ее лица что-то неприятное, хотя на лице девушки играла улыбка. Посмотрев на фотографию пару секунд, Сергей понял, что именно: взгляд был совершенно серьезным, и, мысленно закрыв сначала нижнюю, а затем верхнюю часть лица на снимке, Бабкин обнаружил, что получается две девушки. Первая заискивающе улыбалась, и подбородок у нее был безвольный. Вторая смотрела жестко, и казалось, что нос под этими небольшими глазами обязательно должен быть крючковатый, как у Бабы-яги.

И никакого сходства с отцом.

Когда дверь за Макаром и Сергеем закрылась, охранники с теми же непроницаемыми лицами шагнули к ним навстречу.

– Первый, они вышли, веду их вниз, – сказал один из них, поднеся запястье с браслетом к губам, и Бабкин окончательно потерял всякое уважение к охране Тогоева.

На мгновение его охватило хулиганское желание поставить дурачье на место, но он перехватил предупреждающий взгляд Макара и спохватился – в доме клиента так себя не ведут. Подумаешь, не умеет Олег Борисович выбирать профессионалов... Так их и вообще немного. Куда больше тех, кто пускает пыль в глаза, ориентируясь на фильм «Телохранитель».

Но когда они подошли к машине и дом с охранниками остался позади, Бабкин презрительно сплюнул.

– Давно такого не видал... – Он покачал головой. – Просто гнездо идиотов какое-то. Я сейчас не о Тогоеве, ты понимаешь.

– Понимаю... – Макар открыл дверцу, но не сел, а остался стоять, щурясь от мартовского солнца. – Что поделать, зато на несведущих все эти танцы с сопровождением действуют впечатляюще. – Он помолчал и добавил: – Знаешь, странно, что девушку не нашла служба безопасности. Судя по тому, что рассказывает Тогоев, ничего сложного их не ожидало. И меня настораживает отсутствие результата.

– А меня нет. Ты видел этих ребят? «Первый, они вышли», – передразнил Сергей охранника. – Не способны даже свою несложную работу толком выполнять, не говоря уже о том, чтобы встречаться с людьми, опрашивать их... Все, садись – на нас уже из дома смотрят.

Илюшин не стал оборачиваться, чтобы проверить правоту напарника, и послушно сел в машину. Решетка ворот плавно поплыла вбок, и они выехали из загородного дома бизнесмена.

Тогоев проводил взглядом темно-синий «БМВ», спросил, не оборачиваясь:

– Хруцкий, как они тебе?

Виктор подошел неслышно, остановился возле стола, на почтительном расстоянии от шефа.

– Обычные «частники». – Он пожал плечами. Тогоев не

мог видеть пожатия, но догадался о нем по интонации Хруцкого. — Что вы хотите услышать, шеф?

— А черт его знает, — признался тот, поворотив в затылке пухлой детской пятерней.

От встречи у него осталось еле уловимое неприятное впечатление, но Олег Борисович был не приучен анализировать свои впечатления. Утреннюю парочку представили ему как специалистов по розыску пропавших людей, и, хотя Виктор настаивал на том, что в случае с Юлей можно обойтись куда более незамысловатыми помощниками, Тогоев потребовал лучших.

Однако увиденное его разочаровало. Светловолосый парень с пронизательным взглядом, представившийся Илюшиным и бывший в этом тандеме за главного, не задал ему и половины тех вопросов, которые должен был задать, по мнению Олега Борисовича. Второй, насупленный здоровяк, за все время встречи едва ли произнес пару фраз.

— Уроды... — пробормотал Тогоев себе под нос и тут неожиданно осознал, что ему так не понравилось. Эти двое разговаривали с ним на равных.

Олег Борисович любил мысленно наблюдать со стороны за собой и какими-нибудь визитерами: он знал, что производит впечатление не слишком серьезное, и тем приятнее был контраст между его легкомысленной персоной и уважительным, зачастую подобострастным поведением гостей. Тогоев любил паясничать, изображая из себя маленького человечка

с большими возможностями, и его самолюбие чрезвычайно грела мысль, что все вокруг прекрасно понимают, в чем заключается игра.

Но Илюшин и тот, второй, фамилию которого Олег Борисович, конечно же, не запомнил, не стали играть по предписанному им сценарию. «Шестерки», нанятые для несложной работы, вели себя не как наемный персонал, легко заменяемый другим, таким же, может, чуть пониже классом, а как люди, которые чего-то стоят. Хотя всем было ясно, что они не стоили ни-че-го.

– Все чертова демократия, – зло бросил Олег Борисович, убежденный сторонник монархии. – Развелось, понимаешь, всяких... Забыли свое место.

Хруцкий терпеливо ждал за его спиной, ничего не говоря – привык, что шеф часто разговаривает сам с собой и собеседник ему не требуется.

– Поналезла шантрапа в Москву с окраин Родины... – бормотал Тогоев, забыв, что сам приехал в столицу пятнадцать лет назад. – Раньше бы их всех быстро к ногтю прижали за неуважение.

Впрочем, поразмыслив, он решил не портить себе настроение. Найти дочь было важнее.

– Скажешь Костику, чтобы предоставил *этим* всю информацию, – распорядился он. – Что там им понадобится... Фотографии, с кем она общается, что носит....

Виктор негромко кашлянул.

– Что такое? – спросил Тогоев.

– Они еще не дали согласия.

Тогоев обернулся, недоверчиво уставился на Хруцкого маленькими глазками. Люди приезжали к нему домой, он ввел их в курс дела, назвал весомый гонорар... Что им еще нужно?!

– Что значит «не дали согласия»? – взъерился он. – Да кто вообще...

Визгливый голос прервался на полуслове. Тогоев легко выходил из себя, но быстро успокаивался, а фирменные вспышки «тогоевского» гнева он устраивал только для зрителей. Сейчас стараться было незачем.

– Ладно, – покладисто проговорил он. – Мальчики-мальчики-мальчики... Думают они, значит? Пускай думают.

Офис сыщиков, в шутку именуемый Сергеем Бабкиным «штабом», находился в квартире Илюшина. Солнце заливало комнаты, выходившие окнами на парк, над голыми деревьями которого шныряли мелкие воробьиные стайки. Макар сел в кресло перед ноутбуком, Сергей по обыкновению растянулся на диване, ворочая шеей вправо-влево и прислушиваясь к устрашающему хрусту позвонков.

– Что скажешь? – поинтересовался он.

– Подожди... – Илюшин сосредоточенно смотрел в монитор. – Да, конечно, это именно тот Тогоев, о котором я и думал.

Он откинулся на спинку кресла и выбил пальцами четкую барабанную дробь по столешнице:

– Владелец заводов-газет-пароходов.

– Брось! – приподнялся на локте Бабкин. – Олигарх? Что-то не похож...

– Да нет, про газеты и пароходы я преувеличил. А вот заводы у него имеются. Три штуки: в Подмосковье, в Ростовской области и под Калининградом.

– Спиртное?

– Вовсе нет. Химические реагенты, минеральные удобрения и все, с ними связанное.

Сергей нахмурился, припоминая.

– Было какое-то уголовное дело, кажется... То ли о неуплате налогов, то ли о дочерних фирмах, не помню точно.

– Да, год назад, – подтвердил Илюшин. – Ничем не закончилось. Но к нам это не имеет отношения. Для нас важно, что Олег Борисович, шестьдесят восьмого года рождения, разведен и действительно имеет дочь двадцати с небольшим лет. Впрочем, я и не сомневался, что он говорит правду. Девушка, похоже, рассорилась с ним и решила проучить любимого папу. Или просто проявила характер.

– Такая-сякая, – басом пропел Сергей, – сбежала из дворца. Такая-сякая, расстроила отца! Почему мы не согласились сразу? Не вижу в деле ничего сложного.

– Меня смущает сам Тогоев, – помолчав, признался Илюшин. – У него в анамнезе криминальное прошлое, к тому же

он похож на законченного невротика...

– У девяноста процентов наших крупных бизнесменов старше тридцати лет в анамнезе криминальное прошлое, – удивленно откликнулся Бабкин. – А добрая их половина – кладезь для психиатра. Тебя что-то насторожило в разговоре? Тогоев врал?

Сергей знал о способности Макара «отключать» слух, улавливая эмоции собеседника по его мимике и жестикуляции, и был уверен, что на первой встрече с потенциальным клиентом Илюшин ее использовал.

– Нет, иначе бы я сразу отказался. – Макар отрицательно качнул головой, но пауза перед его ответом не осталась Сергеем не замеченной. Бабкин вскинул брови, вопросительно глядя на напарника.

– Я помню, как меня провел Ланселот¹, – неохотно пояснил Илюшин, на короткое время утратив обычную самоуверенность.

– Тот прирожденный лжец, – отмахнулся Бабкин. – Один просчет не считается. А отказываться от дела без причины не пойдет нам на пользу...

Сергей не добавил «отказываться от гонорара», но Илюшин его отлично понял.

– Хорошо, – согласился он. – Сегодня соберем дополнительную информацию, а завтра ты возвращаешься к Тогое-

---

¹ Об этих событиях читайте в романе Е. Михалковой «Рыцарь нашего времени».

ву, расспрашиваешь его помощника о предпринятых мерах розыска и узнаешь все о девице. Если вдруг всплывут принципиальные для дела сведения, о которых заказчик умолчал, позвонишь мне.

Пухлый парень с розовыми, как недозрелые райские яблочки, щеками внимательно следил за тем, как Бабкин осматривает комнату. Парня звали Костиком, и был он ровесником Сергея, хотя выглядел на добрых десять лет моложе.

Костик наблюдал за сыщиком так, как физически слабый человек наблюдает за физически сильным, то есть с глубоко скрытой завистью и выпяченным чувством умственного превосходства. Бабкин при расследовании старался поощрять это чувство в собеседнике, потому что человек, ощущающий себя на голову выше оппонента, всегда расслабляется, и из него можно выжать то, чего он сам по доброй воле не отдал бы. Это правило Сергей вынес из хорошего старого фильма и неукоснительно ему следовал.

С Костиком оно сработало. Из получасового разговора с ним Бабкин узнал не очень много, но вполне достаточно, чтобы принять окончательное решение: за дело нужно браться. Помощник Олега Борисовича рассказал, что настоящая фамилия Юли не Тогоева, а Сахарова, по матери, что в Москве у нее не так много знакомых, к которым она могла бы податься, денег на съем квартиры у девушки нет. А то,

что дочь Олега Борисовича до сих пор не нашли, характеризует не укромность выбранного ею нового места жительства, а методы работы службы безопасности.

– Они обошли троих ее подружек и двоих бывших бойфрендов, – рассказывал Костик, растягивая гласные. – Спросили, не у них ли Юлька. Сутки посидели в засаде возле каждой квартиры – ждали, не появится ли она. Ничего не дождались, вот и сняли наблюдение. Да, а одну девчонку, с которой у Юли близкие отношения, – Нику Церковину, – и вовсе испугали так, что она милицию вызвала. Дуболомы...

На его пухлом лице отразилось все, что Костик думает о подобных методах работы, и Бабкин вынужден был с ним мысленно согласиться.

– И все? – уточнил он. – Больше никаких мер не предпринималось?

Костик пожал плечами:

– Какие тут меры, когда шеф всем вставил пистон? На ее подружку, Нику, наши Саша с Вовой вздумали орать, чтобы, так сказать, сломать психологически. Говорят, были уверены, что она врет, будто ничего не знает о Юльке.

– Ясненько... – протянул Сергей. – Вот что, Константин: я сейчас начну опрашивать всех, живущих в доме и просто общавшихся с девушкой. Составьте мне список, пожалуйста.

Парень полез в карман костюма, но Бабкин остановил его, добавив:

– После того, как сами ответите на кое-какие вопросы.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Юля Тогоева с отцом не ладила, поскольку тот не воспринимал ее всерьез и отказывался выдавать требуемую дочерью ежемесячную сумму. В этой части рассказ Олега Борисовича полностью подтверждался. Никаких ссор накануне побега девушки из дома, по словам помощника, не происходило: Юля пребывала в своем обычном взвинченном настроении, но после очередного отказа отца в выдаче средств скандалить не стала, лишь коротко бросила «ну и черт с тобой» и ушла. Последний раз Константин видел ее выходящей поздно вечером из кабинета отца. Олега Борисовича дома не было, а в его отсутствие заходить в кабинет разрешалось лишь Виктору, главе охраны, и Костик сделал Юле замечание. Он подозревал, что она искала там деньги, но потом решил, что ошибся.

– Почему? – спросил Бабкин. – Олег Борисович не хранит в кабинете наличность?

– Хранит, кажется... – неуверенно ответил помощник. – Но она была в таком, знаете, тоненьком топе и в шортах. Я на нее посмотрел... в общем, у Юльки точно не было купюр. Я бы заметил.

Круглые щеки заалели. «Понятно, – усмехнулся про себя Бабкин. – Значит, девица была вся в обтягивающем, и ты так глазел на нее, что не заметил, куда она сунула деньги. Могла бы и за резинку трусов их спрятать».

– К тому же Олег Борисович ничего не говорил о пропавших деньгах, – добавил Костик. – Наверное, она искала и не

нашла.

На следующее утро Юля исчезла, оставив записку. Записка хранилась у Тогоева, но Костик утверждал, что и так помнит ее текст.

– «Не нужно меня искать, я сама займусь своей жизнью», – процитировал он по памяти. – Жаль, что раньше этого не сделала».

– А что у нее была за жизнь в доме Олега Борисовича?

– Нормальная жизнь... – пожал плечами Костик. – Своя комната, полная свобода, шофер всегда отвезет, куда скажешь. С жиру она бесилась, вот что.

– Друзья, подруги?

– Какие-то имеются... – с сомнением ответил парень. – Юлия Олеговна, правда, девушка необщительная, но на курсах с кем-то познакомилась. На курсах дизайнеров, имею в виду. Я видел только Нику, о других ничего не знаю.

– У Юли парень есть?

– Нет никого. С таким поганым характером никому она не нужна, – не сдержался Костик, и Бабкин внимательно посмотрел на него.

– Отчего же с поганым?

Парень замялся.

– Сказали «а», говорите и «бэ», – вздохнул Бабкин. – Начальству я вас закладывать не собираюсь, можете мне поверить.

– Стерва она двуличная, вот кто! – решил Костик. – По-

смотришь: кажется, девчонка как девчонка, тихая, незаметная. Даже милой может притвориться, если захочет. А узнаешь ее поближе — ну такая змея расчетливая!

— Какая же она расчетливая, если от отца сбежала без всякой выгоды для себя?

— Вот я и думаю, что какая-то выгода у нее все-таки есть, — хмуро поделился сомнениями Костик. — Юля ничего просто так не делает. Знаете, какая она злопамятная? Я как-то раз отказался ей дать машину с водителем, когда она захотела по магазинам прокатиться, — одна тачка тогда была в ремонте, а другая могла потребоваться Олегу Борисовичу. Так Юлька после этого два месяца мне мило улыбалась, расспрашивала о жизни, делами моими интересовалась... Друзьями почти стали! А когда я, как последний дурак, сболтнул ей об одной своей промашке, так меня через два часа вызвал сам, — при этих словах Костик ткнул пальцем в потолок, хотя они с Бабкиным находились на верхнем этаже особняка, — и такой разнос устроил, что мама не горюй! А Юленька, девочка наша, сидела у него в кабинете и посмеивалась, глядя на меня. Честно вам скажу: мне от нее иногда бывало не по себе. Поэтому с ней долго никто и не встречался: есть в этой девке что-то такое... жутковатенькое. Кто-то быстрее это просекает, кто-то медленнее... Я вот долго присматривался, потому и пострадал.

— А откуда вы знаете про ее бывших приятелей?

— Что у меня, глаз нет? Я при Олеге Борисовиче, можно

сказать, днем и ночью. Слышал, как она по телефону разговаривает, как с отцом ссорится... Как-то даже закричала, что выйдет замуж и уйдет из дома, но что-то не сложилось у нее с замужеством.

– Замуж, значит... – повторил Сергей, записывая за Костиком. – Скажите, а к родственникам она могла податься, как вы думаете?

И посмотрел на парня с надеждой, будто тот мог в одну секунду помочь ему закончить все расследование. Но Костик отрицательно покачал головой.

– Мы их первым делом проверили. У Олега Борисовича из родственников есть сестра, но она, во-первых, живет в Сочи, и, во-вторых, Юли у нее точно нет. А еще есть дальняя родня по матери в Питере, но их тоже успели проверить до вас. Пустой номер. Да, и от шефа я слышал о какой-то престарелой тетке, – подумав, добавил он. – Но к ней, шеф говорил, Юлька точно не пойдет.

– Почему?

– Потому что мы со старой гримзой в давней ссоре, – пояснил Тогоев, когда Бабкин пришел к нему со своим вопросом, закончив беседовать с Костиком. – Она мне не родная тетка, а жена моего дядюшки. Вдова, точнее говоря. Законченная стерва! Последний раз мы виделись на дядиных похоронах и с тех пор не разговаривали, потому что она меня терпеть не может. – Он ухмыльнулся, словно мысль о непри-

язни какой-то дальней неродной тетки была ему приятна. – Если она Юльку на улице увидит – не узнает, а уж Юля-то бабу и подавно: ей лет десять было, когда дочь с моей тетушкой общалась, и больше обоим такого общения не захотелось.

Тогоев визгливо рассмеялся.

– Почему? – снова спросил Сергей.

Предприниматель уставился на него с веселым изумлением.

– Как – почему? Сами подумайте: о чем десятилетней девчонке говорить со старухой, которой почти шестьдесят? Агнесса, жена моя, потом рассказывала, что Марта из себя вышла и разоралась прямо в ресторане, до того ей Юлька надоела: кричала, что та вести себя не умеет, оскорбляла их с Агнессой. Правильно, своих-то детей нет, вот и не умеет с ними разговаривать. Дура бесплодная.

Бабкин подумал про себя, что у самого Тогоева ребенок есть, однако, судя по результату воспитания, разговаривать с ним правильно Олег Борисович тоже не научился.

– А Юлька-то когда из ресторана вернулась, – со смешком продолжал тот, – ее всю трясло от злости. Матери объявила, что не хочет больше ни с какими родственниками встречаться, – это ее, Агнешкина, была идея, чтобы ребенок со всей родней познакомился. Ну, на том знакомства и закончились.

– Кто еще у вас есть из родственников? – спросил Сергей, записав в блокнот информацию о тете Марте.

– Берта, сестра, – начал перечислять Тогоев, – и в Ленинграде Пашка с семьей... Слушайте, вы и Берту с Пашкой хотите проверять? Ерунда, не тратьте зря времени.

– Олег Борисович, будьте добры, назовите их адреса и телефоны.

– Я ж вам сказал, – вышел из себя Тогоев, – всех уже проверили! Юльки ни у той, ни у другого нет! Вы мне не верите, что ли, я не понял?

– Ну что вы! – возразил Сергей. – Дело вовсе не в недоверии, а в том, что мы должны все перепроверить. Вы же сами понимаете...

– Не понимаю! – перебил его бизнесмен. – Я вам плачу бабки и оплачивать впустую потраченное время не собираюсь! Ясно?!

Еще год назад, услышав такое, Бабкин непременно вышел бы из себя и отправил считающего деньги работодателя искать других специалистов. Но работа с Илюшиным многому научила его, в том числе экономному расходованию негативных эмоций. «Разозлиться без результата – непозволительная роскошь», – говаривал Макар. «Будем злиться с результатом», – решил Бабкин.

Тогоев, наблюдавший за этим крупным, немного скованно держащимся мужиком с неулыбчивым лицом, уже хотел предложить ему перейти к опросу других людей, но тут мужик поднял на него глаза – темно-карие, глубоко посаженные, вкупе с его габаритами придававшие ему сходство с

медведем. Взгляд у сыщика был на удивление спокойный, но за этим спокойствием угадывалось упрямство.

– Вы, Олег Борисович, оплачиваете не время, – веско проговорил он. – Вы оплачиваете результат. Вам нужен результат или вы хотите контролировать все наши действия?

– При чем тут контролировать, если я вам сказал, что ее там нет! – взорвался Тогоев, повысив голос.

– Если ни при чем, то мы хотим сами в этом убедиться. – В голосе Бабкина звучала настойчивость. – Если бы мы этого не сделали, то не заслуживали бы чести работать с вами, – добавил он, вспомнив заповедь Илюшина «будь дипломатичным».

Секунду Тогоев смотрел на него, затем неожиданно сморщил нос и наклонился под стол. Вылез он с мандарином, несколькими ловкими движениями счистил шкурку так, что она одним длинным завитком сползла на стол.

– Ладно, ладно, – посмеиваясь, сказал он, как будто только что не выходил из себя. – Хотите зря время тратить – проверяйте. Главное, чтобы вы ее нашли. Держите!

Он швырнул в Бабкина очищенным мандарином, еще не договорив последнее слово, но тот с неожиданной ловкостью поймал фрукт в паре сантиметров от своей рубашки и, даже не сжав его в огромной лапе, раскрыл ладонь, вопросительно посмотрев на Тогоева.

– Молодец, реакция хорошая, – улыбнулся Олег Борисович. – Угощайся. Заслужил.

Бабкин положил очищенный мандарин на край стола, покачал головой.

– Спасибо, не люблю цитрусовые.

Выйдя из кабинета бизнесмена спустя несколько минут со всеми данными, которые требовались, Сергей достал из кармана платок и тщательно вытер липкую от сока руку.

Глава 3

В квартире с утра стояла тишина, поскольку все разбежались по своим углам, как тараканы, – а все из-за невинной метелки для смахивания пыли. Этот предмет Юлька приобрела в хозяйственном магазине – не смогла удержаться, до того метелка напомнила ей юбку, которую она носила в детстве: много-много пышных разноцветных веселеньких ярусов-оборков.

– Это что? – осведомилась Марта Рудольфовна, едва узрев в дверях Юльку, размахивающую приобретением. – Зачем *это* в нашем доме?

– Многофункциональная вещь, – сказала Юлька, почуяв недоброе по тому, как быстро исчезла открывшая ей дверь Лия, и оправдываясь сама не зная за что. – Можно пыль смахивать. Можно просто любоваться. Можно с кошкой играть...

– В макушку воткнуть – и можно канкан танцевать, – продолжила старуха с непроницаемым лицом. – В попу – изображать енота на детских праздниках. В ухо – и будет бледнолицый, убитый Орлиным Глазом.

Юлька улыбнулась. Делать этого, конечно, не стоило, потому что Марта Рудольфовна только и ждала, когда неуместная улыбка расплывется по Юлькиной физиономии.

– Полтора месяца, – вкрадчиво начала она, – полтора ме-

сяца я не могу обучить тебя качественно протирать пыль... Полтора! – Старуха не повысила голос, но Юльке показалось, что стены вокруг зашатались, будто от землетрясения. – Подумать только, за это время можно было научить медведя пылесосить и чистить ковры, и он делал бы это без помощи дрессировщика! А я до сих пор вынуждена ходить за тобой с тряпкой, указывая на огрехи.

Вот уж это была неправда так неправда! Представить старуху с тряпкой было совершенно невозможно. В лучшем случае длинным отточенным ногтем она брезгливо указывала Юльке участок, который, по ее мнению, был вытерт недостаточно тщательно, но на этом вмешательство Марты Рудольфовны в уборку и заканчивалось.

– И теперь, по завершении этого, с позволения сказать, обучения, которое показало твою полную непригодность даже к столь элементарной деятельности, ты приносишь символ безмозглости домохозяек, разметающих пыль по воздуху вместо того, чтобы уничтожать ее! Этот овеществленный гимн тупости и пошлости! Этот фетиш вырождающихся папуасов!

На голос Марты Рудольфовны выглянула из своей комнаты Валентина Захаровна, нацепила очки.

– Марточка, что ты шумишь... – начала было она, но старуха в ярости обернулась к ней, и Валентина Захаровна немедленно ретировалась, чтобы не задело молнией. На это у нее были свои причины.

Только недавно Юлька по просьбе Мурашовой принесла ей витражные краски, и Валентина Захаровна старательно расписала ими часть окна в гостиной. На окне расцвели страшненькие маки и еще более страшненькие розочки. Выглядело это как размазанное по стеклу украшение с торта, присохшее намертво. Увидев творение подружки, Конечкая воззвала ко всем богам, заявила Валентине, что та впала в детство, и призвала Юльку, которая полчаса яростно оттирала тонкую витражную пленку. Однако то ли пленка оказалась некачественной, то ли Мурашова нанесла слишком толстый слой, но один мелкий мак остался в нижнем углу и не оттирался никакими губками. Это красное пятно мозолило Конечкой глаза, и каждый раз при взгляде на него она приходила в ярость. Поэтому Валентина Захаровна, памятуя о недавнем промахе, не рискнула выступить ничьей заступницей.

Лия сбежала еще раньше, и теперь Марту Рудольфовну ничто не могло отвлечь от разделявания Юльки под орех.

И Юлке досталось по полной программе. В саркастических выражениях ее попросили больше не демонстрировать столь явно свое вкусовое убожество, воздерживаться от попыток насаждения варварской культуры и в другой раз в магазине избегать соблазнов в виде позолоченных кулончиков, разноцветных метелок, фарфоровых голубков и прочих заманчивых приобретений.

Юлька спрятала овеществленный гимн тупости и пошло-

сти от греха подальше и отправилась протирать пыль в гостиной – Марта Рудольфовна требовала ежедневной влажной уборки.

Начала она с лакового столика возле дивана. Ах, какой это был столик! С кокетливо изогнутыми ножками, с круглой черной столешницей, аккуратной, как маленькая шляпка модницы. Из ящичков торчали серебряные ключи – нет, не ключи, а ключики, резные и совсем кукольные – такие в пору бы носить на шее как оригинальное украшение, а не ящики ими запирать. Почти любовно Юлька протирала тряпкой все изгибы столика, все блестящие завитушки, и если прежде эти действия выводили ее из себя и быстро утомляли, то к концу полуторамесячного проживания у Марты Рудольфовны она научилась извлекать из них удовольствие. Ее больше не нервировало каждодневное ползание с мочалкой по всем ста пятидесяти метрам квартиры на пятом этаже, она почти привыкла начинать день с мытья раковин («первое, что ты должна сделать, почистив зубы, – это отдраить раковину!») и даже унитаза приветствовала, как ожидающего ее приятеля – непринужденным взмахом ершика.

А что еще остается делать, если ты очутилась у ведьмы?

Марта Рудольфовна Конецкая, конечно же, была ведьмой. Два раза в неделю протирая фотографии, развешанные по стенам в ее спальне (юная Марта в длинном черном платье: из высокого ворота поднимается, как белый бутон, головка на длинной шее; Марта крупным планом: изысканное ху-

дое лицо, надменный взгляд, пальцы едва держат пахитоску; Марта вполоборота: тень от ресниц, полуопущенные веки, изогнутые вишневые губы), Юлька даже боялась всматриваться в них: казалось, молодая Марта наблюдает за нею со снимков, приглядывается своими темными глазами, в глубине которых прячется бесовщина. Смахивала пыль – и поскорее уходила из спальни, тем более что дел было предостаточно.

Шестидесятивосьмилетняя Конецкая когда-то была манекенщицей, работавшей в Московском доме моделей на Кузнецком Мосту. Карьера ее, по меркам моделей, была удивительно длинной и очень успешной: она начала сниматься для журналов в девятнадцать лет и оставила подиум в сорок, успев поработать с Вячеславом Зайцевым и заслужить славу одной из его любимых манекенщиц. Высокая, с удлинённым бледным лицом в обрамлении черных волос, худощавая и тонкорукая, Конецкая никогда не считалась красавицей, но была исключительно эффектна. К своим почти семидесяти годам она уже много лет красила волосы, скрывая седины, кожу, когда-то белую от природы, запудривала, но осанку и манеры манекенщицы «высокого полета» сохранила в полной мере.

– Профурсетки, – увидев в телевизоре очередной конкурс моделей, презрительно бросала Марта Рудольфовна в адрес красавиц. – Глупые курицы, рассчитывающие получить даром все и сразу. Быть моделью – боже, что за неуместное

слово, будто речь идет о танках или самолетах, — так вот, быть моделью означает иметь к этому призвание и дьявольски много трудиться! А эти... — презрительный кивок в сторону экрана, — ничего не умеют, ни на что не способны и не знают даже своих великих предшественниц. Что они слышали о Романовской или Збарской? О Галине Миловской? Ничего-го.

В своей квартире Марта Рудольфовна была полновластной хозяйкой. Она сменила трех мужей, всегда выбирая мужчин старше себя и проявляя редкую прозорливость в том, что касалось их материального состояния: после женитьбы на Конецкой каждый из них упрочивал его настолько, что, пройдя развод, Марта оставалась в большом выигрыше по сравнению с первоначальным своим положением. Впрочем, последнему супругу удалось избежать участи оставленного мужа: он тихо скончался, успев побаловать жену драгоценностями и шубами, к которым она почувствовала вкус после сорока. Таким образом, Марта в сорок шесть лет стала вдовой и на этом успокоилась.

До появления Юльки просторную шестикомнатную квартиру Конецкая делила с двумя женщинами. Одна из них, Валентина Захаровна Мурашова, была ее школьной подругой. Много лет назад, когда Марта Конецкая перешла из одной школы в другую и оказалась в классе, враждебно настроенном к новенькой, Валя Мурашова встала на ее защиту. Благодаря ее заступничеству Марту перестали травить, а девоч-

ки подружились – как оказалось, на всю жизнь. Мурашова до пенсии работала преподавателем химии в обычной московской школе, но блестящей жизни и карьере подруги несколько не завидовала – скорее наоборот: втихомолку жалела Марту, посвятившую себя такому однообразному, изматывающему занятию.

Конецкая умела быть благодарной: после того как из-за семейных обстоятельств у Валентины началась депрессия, она перевезла подругу к себе и стала ее опекать. Последний год они жили вместе, а когда состояние Мурашовой ухудшилось из-за прогрессирующего диабета, в доме появилась Лия – молчаливая молодая женщина с сосредоточенным лицом, редко освещающимся белозубой улыбкой, и ровной каштановой челкой, густой, как у пони. Как поняла Юлька, в ее обязанности входило постоянное присутствие рядом с Мурашовой, проведение несложных медицинских процедур и самый обычный присмотр – Валентина Захаровна хромала на одну ногу, она с трудом вставала и садилась, и вовремя протянутая рука, на которую можно было опереться, приходилась очень кстати.

С Лией Юлька попыталась пару раз завязать разговор, но почувствовала, что та относится к ней с насмешливым превосходством, и отстала. Не хватало ей еще искать симпатии какой-то сиделки! Правда, втихомолку завидовала ее выдержке.

Валентину Захаровну Марта с удовольствием третиرو-

вала (к чему та относилась с удивительным благодушием), а Лию почти игнорировала, рассматривая, по-видимому, лишь как подобие одушевленного костыля для подруги. Но иногда на Конецкую что-то находило, и она начинала придирается к сиделке по пустякам. На месте Лии Юлька давно бы уже вышла из себя, та же сносила все нападки стоически и ни разу не сорвалась в ответ. Как-то после особенно безобразной вспышки Марты Рудольфовны Юлька перехватила Лию в коридоре и негромко – чтобы не услышала ведьма – шепнула:

– Слушай, зачем ты с ней мучаешься? Нашла бы другую работу!

Та неожиданно сверкнула улыбкой, хотя Юлька не видела в своем вопросе ничего смешного.

– Зеленая ты еще, – пожала плечами Лия, и Юлька возмущилась про себя: они же почти ровесницы! – Если из-за каждой капризной старухи работу менять, никаких нервов не напасешься. И тебе тоже нужно быть поспокойнее – неужели не видишь: *она* только того и добивается, чтобы ты разозлилась? А ты возьми да не злись. Или злись, но так, чтобы никому заметно не было.

Подмигнула ободряюще и скрылась в комнате Мурашовой.

Во всем происходящем Юлька разобралась не сразу, потому что никто не собирался давать ей отчет в том, что за

отношения царят между обитателями квартиры. Поначалу она лишь поняла, что ей нужно быть тише воды ниже травы, беспрекословно исполнять приказы Марты Рудольфовны и постараться не вызывать ее гнев.

Последнее оказалось не просто сложным – невыполнимым! Старуха гневалась часто и делала это со вкусом, от души. Юлька была для нее чем-то средним между прислугой и тараканом, то есть существом, с одной стороны, полезным, с другой – безмерно раздражающим, от которого следует немедленно избавиться, потому что оно разносит заразу и оскорбляет взгляд. Определить, когда Конецкая проявит снисхождение, а когда схватится за тапочку, было невозможно.

Хваталась за тапочку Марта Рудольфовна, разумеется, лишь фигурально и предпочитала сохранять лицо бесстрастным. Пусть тривиальные люди изгибают губы, морщат нос, зыркают глазами – вот, дескать, на что я способен! Марта Рудольфовна все свои эмоции при желании могла передать легкими шевелениями бровей – так, что все остальное лицо оставалось неподвижным. А если еще точнее, то и обе брови ей были ни к чему, обеими она выражала сильные чувства, а для разговора с Юлькой хватало одной левой. На два миллиметра вздернутая бровь означала, что сейчас начнется разнос. Изогнутая – что пора отступать, забыв про достоинство. Резко поднятая – что отступать уже поздно.

Но понемногу Юлька приспособилась, научилась тем пре-

мудростям, которые просто необходимо знать, если живешь с ведьмой. Сливаться со стенами, выучить пару нехитрых приемов, разворачивающих уши по ветру и позволяющих обостренным слухом уловить шаги за входной дверью, уменьшаться в пять раз до размеров кошки... Правда, уменьшаться как следует пока не получалось, и кошка из Юльки выходила неуклюжая, толстозадая, нелепо торчащая из-за тех укрытий, за которыми она пыталась спрятаться. Извлекали ее оттуда за беззащитный хвост, брезгливо рассматривали и отправляли в чулан недрогнувшей старческой рукой, на которой поблескивали и дразнились красные рубины – Конецкая была большая любительница драгоценностей.

Юлька боялась своей хозяйки до дрожи. По утрам, вставая с узкого диванчика и торопливо заправляя его, она представляла, что сегодня будет держать себя с достоинством и Марта Рудольфовна устыдится и отступится от нее. Но едва заслышав хриплый старухин голос, забывала о своих намерениях, вжимала голову в плечи, бледнела и краснела, выслушивая обращенные к ней язвительные замечания, и, дрожа коленками, спасалась от ведьмы в туалете, пытаясь спрятаться за унитазом, якобы оттирая воображаемое пятно.

Поначалу все замечания старухи касались лишь Юлькиной деятельности, а также ее досуга (такового у Юльки не выдалось за все время работы ни разу, но ей он был и без надобности). Однако пару недель спустя после появления девушки в обращении Конецкой с ней произошли некоторые

изменения...

В тот вечер разговор двух пожилых дам вертелся вокруг диет и правильного питания. Под увещевания Валентины Захаровны – она настаивала на том, что в их возрасте полезна растительная пища, и даже рыбу стоит есть с большой осторожностью, дабы не навредить организму, – Марта обжаривала на сильном огне бифштексы: она всегда готовила сама маленькими порциями, которых хватало лишь на один прием. Розовые куски уже шипели на сковородке, когда Конецкая прищелкнула пальцами и обернулась к Юльке, оттиравшей с ковра пятно от пролитого вина.

– Голубушка, базилик! Я совершенно забыла про базилик. Быстренько сбегай в магазин, принеси три пучка.

– Марта! – возмутилась Мурашова, сочувственно глядя на Юльку сквозь толстые стекла очков. – Куда ты гонишь девочку?! Посмотри, какая темень, – нельзя отправлять молодую девушку на улицу одну в такое время!

– Эта улица восемьдесят лет как электрифицирована, – равнодушно заметила старуха. – Три пучка, и проследи, чтобы не подсунули вялых.

– Но это опасно! К ней пристанут!

– Ко мне не пристанут, – буркнула Юлька, поднимаясь с ковра, и добавила – просто так, без всякой задней мысли: – Ко мне никогда не пристают.

– Это отчего же? – Конецкая обернулась к ней, сощурилась.

– Ну... – Юлька даже растерялась под ее взглядом. – Вы же видите, какая я...

– Какая?

«Черт бы тебя взял, – злобно подумала Юлька. – Все ты прекрасно видишь, только ищешь повод, чтобы лишний раз поиздеваться».

– Уродина, вот какая! – брякнула она, исподлобья глядя на Марту Рудольфовну. Хотела уже развернуться, чтобы уйти, но не решилась: взгляд Конецкой держал ее на месте, не отпускал. – Три пучка базилика, – вслух повторила Юлька, делая вид, что ничего особенного сказано не было, и мысленно ругая себя за оплошность: знала ведь, знала, что старуха придирается к любой не по делу брошенной фразе. А вдруг, не дай бог, Марта Рудольфовна решит, что ее домработница вела себя непозволительно? И выставит ее на улицу? Тогда – прощай весь тщательно продуманный план, и все полетит к черту. «Стерва. Ненавижу!»

– Юленька, отчего вы так говорите! – запротестовала Мурашова, качая седой головой. – Это неправда! Главная красота – в молодости!

– Чушь собачья, – откликнулась Марта Рудольфовна, по-прежнему *придерживая* Юльку взглядом. – Сама по себе молодость ничего не дает; достаточно посмотреть на нее, чтобы в этом убедиться.

Пренебрежительный кивок подбородком в ее сторону добил Юльку.

– Значит, три пучка? – сквозь зубы выговорила она, стараясь не глядеть на Конецкую: всерьез опасалась, что старуха сможет прочесть в ее глазах слово «мегера», вертевшееся у Юльки в голове.

– А знаешь, что я тебе скажу, голубушка... – продолжала Марта Рудольфовна, игнорируя ее вопрос. – Ты, конечно, считаешь, что тебе не повезло с лицом и фигурой. Однако в действительности тебе не повезло лишь с содержимым твоей некрасивой головки. Банально, но это так. При твоих внешних данных вполне можно быть красавицей.

Валентина Захаровна, добрая душа, – и та с сомнением посмотрела на подругу. Во взгляде ее явственно читалось: «Марточка, насчет красавицы ты погорячилась». И в самом деле – какую красоту можно извлечь из сублильного мелкого тельца ростом метр шестьдесят и насаженной на него сверху, будто горшок на палку, круглой головы с жидкими серыми волосами того оттенка, который несправедливо называют мышиным, тем самым оскорбляя грызунов.

– Красавицей... – повторила Юлька и усмехнулась. – Ну да, конечно! Где-нибудь в племени мумбу-юмбу...

– Дура, – пожала плечами Конецкая. – Причем ленивая. Немного старания, чуточку упорства, грамм-другой мозгов – и сделала бы из себя женщину, а не это недоразумение.

Как ни старалась Юлька сдерживаться, у нее не получилось. Ведьма своими словами в очередной раз задела в ней какие-то струны, которые отозвались возмущенным аккор-

дом.

– И что же я могу сделать со своим ростом? – противно звенящим голосом осведомилась Юлька. – Или с тем, что у меня фигура, как у мальчишки? И как мои мозги помогут исправить кривые ноги, а? Ну скажите же, Марта Рудольфовна!

– Твои мозги – никак, – с ледяным спокойствием парировала старуха, делая ударение на слове «твои». – Потому что у тебя их нет.

– Ох, Марта, раз ты такая умная, вот и дала бы девочке пару советов, – вмешалась Мурашова и тут же добавила, противореча самой себе: – А вы, Юля, не слушайте ее. Все у вас хорошо!

– Я бы, может, и дала бы пару советов, – пожала плечами Конецкая, с сожалением глядя на Юльку. – Но поскольку очень мала вероятность, что им последуют, то мне жаль своего времени.

Она отвернулась к плите, достала из шкафчика пару бутылочек темного стекла и принялась поливать мясо, не вынимая его из сковородки. По комнате поплыл аромат жгучих специй, рассерженно зашкварчал соус, и, словно взбудораженная его запахом, Юлька вдруг сказала неожиданно для самой себя в худую и очень прямую спину:

– Я последую! Честное слово, Марта Рудольфовна...

Конецкая неторопливо обернулась, наклонила голову. В темных глазах промелькнула насмешка.

– Последуешь... – протянула она. – Значит, на что только

не пойдешь, чтобы самой себе нравиться, правда?

В голосе ее звучал откровенный сарказм, но Юлька кивнула, признавая свое поражение. Да, она готова была слушаться кого угодно, в том числе и ведьму. Даже, пожалуй, ведьму – в первую очередь, потому что предложи Юльке свои советы Валентина Захаровна, она бы только посмеялась про себя.

– Ладно, – подумав, с усмешкой кивнула Марта. – Дам тебе шанс, пожалуй. Заодно и сама развлекусь.

– Вот и славно! – обрадовалась Валентина Захаровна. – Правда, Марта, у тебя такой большой опыт... Юленьке нужно штанишки другие подобрать да сходить к хорошему парикмахеру, и все будет замечательно!

От того, что они так хорошо договорились, не поссорившись, и все почти устроилось, Валентина Захаровна светилась и, судя по всему, мысленно уже видела домработницу подруги счастливой и довольной. Однако Марта Рудольфовна нахмурилась, не разделяя ее настроения, и от этого Юльке стало не по себе. Она внутренне напряглась, тут же забыв про нелепое словцо «штанишки», которым Мурашова охарактеризовала ее джинсы-скинни. И не зря.

– Нет, так не пойдет, – неожиданно бросила Конецкая, смерив Юльку взглядом. – Никакой пары советов.

– Почему?! – От разочарования Мурашова даже руками всплеснула.

– Потому что толку от них будет, как покойнику от припарок. Здесь все нужно менять, а не штанишки и прическу.

Все! Из этого чурбанчика можно выточить Буратино, но для этого придется не просто надеть на него курточку и сунуть букварик, а поработать как следует.

– Вот и поработай! – воскликнула Валентина Захаровна.

– Она не выдержит и пары дней. – Марта вновь указала острым подбородком на Юльку. – Кишка тонка.

– Я выдержу, – удивляясь самой себе, просительно сказала Юлька.

– Что, будешь следовать всем моим указаниям?

– Буду, правда!

Марта подумала, затем нехотя кивнула.

Тут же обсудили условия, на которых Конецкая соглашается заниматься преобразованием Юльки, и разговор шел не шуточный, а серьезный, будто обсуждали непростой договор. Интересы Юльки представляла Валентина Захаровна, а Марте Рудольфовне представитель был не нужен. Базилик был забыт, сама героиня беседы, в общем, тоже, и Юльке ничего не оставалось, как слушать двух старух.

Под конец их оживленной беседы в комнату заглянула Лия, удивленно посмотрела на домработницу, сидящую на корточках возле двери, и, убедившись, что с ее подопечной все в порядке, удалилась к себе. Конецкая и Мурашова даже не заметили ее: обе были увлечены спором о том, как далеко разрешается зайти Марте в улучшении внешнего облика домработницы. Мнения самой Юльки, конечно, никто не спрашивал.

В конце концов Конецкая подвела итог и сделала это кратко и жестко:

– Будешь слушаться меня во всем, ясно? – спросила она, обращаясь к Юльке, которая тут же вскочила и вытянулась, чувствуя себя солдатом на плацу. – Человека я из тебя сделаю, если не станешь сопротивляться. Результат оценим через пару месяцев с помощью большого жюри.

– Это как?

– Потом увидишь. И кстати, – она обвела столовую возмущенным взглядом, – где базилик?!

Юлька не знала, на что согласилась. При всей ее неприязни к старухе она готова была схватиться за любую соломинку, лишь бы ее сделали симпатичнее. Насчет своей внешности девушка не обольщалась: еще подростком она сравнивала себя с одноклассницами и видела, как невыгодно от них отличается. Один неудачный роман не прибавил ей уверенности – попробуй-ка быть уверенной, когда в средних классах тебя дразнили глистой и ты осознаешь, что с того времени немного изменилось. Поэтому зеркала Юлька не любила, точно так же, как и садистские примерочные в магазинах – в них словно специально подбирали такой свет, чтобы покупательницы в ужасе бежали прочь, не тратя времени на пристальное рассматривание своего отражения и от расстройства захватив с собой неподходящую вещь. И фотографироваться она не любила. И входить в помещение, где мно-

го незнакомых людей, — ей сразу казалось, что все смотрят на нее и думают: «Надо же, какая глиста пришла».

Прося Конецкую помочь ей, Юлька надеялась на то, что старуха и в самом деле даст пару-тройку рецептов, проверенных на собственном и чужом опыте: чем протирать лицо, чтобы улучшился его цвет; как увеличить грудь хотя бы до второго размера; нет ли упражнений для исправления кривизны ног... В конце концов, не зря же она работает на ведьму, как Маленький Мук!

Однако Марта Рудольфовна подошла к своей задаче творчески и всю последнюю неделю методично высмеивала Юльку. Насмешке подвергалось все, касающееся ее внешности: осанка, походка, покачивание бедрами при пробеге с тряпкой из столовой в ванную комнату, манера держать вилку... Острым, как охотничий нож, языком Марта Рудольфовна элегантно разделявала Юльку, свеживала и лишь затем приступала к сыроедению, поедая домработницу вприкуску с ее потрохами.

Через неделю Юлька проклинала и дурацкий разговор, и Конецкую, и Валентину Захаровну, и саму себя за первую брошенную реплику, с которой все и началось. В присутствии Марты Рудольфовны она ощущала себя утыканной стрелами. Старуха взялась за нее всерьез и методично доводила до отчаяния, так что Юлька готова была рыдать от жалости к себе. Останавливало ее лишь то соображение, что за истерику Конецкая ее немедленно выгонит.

Она пыталась пожаловаться Лии, но та смотрела равнодушно темными глазами из-под густой челки, и Юлька понимала, что ей совершенно безразличны страдания какой-то домработницы. Она пробовала вызвать жалость у самой Марты Рудольфовны, но добилась лишь большего презрения. Однако по истечении недели насмешек Конецкая посадила девушку на стул, сама расположилась в кресле и сообщила:

– Первый этап закончен.

– Какой еще этап?

– Подготовительный, естественно. Надеюсь, ты осознала, что менять в тебе придется *все*. В первую очередь – мировоззрение.

– А у меня нет мировоззрения, – огрызнулась Юлька, запоздало сообразив, что не без причины была девочкой для битья и что это, по-видимому, было частью плана ее хозяйки.

– Есть, но оно такое жалкое и убогое, что ты сама не подозреваешь о его существовании. Впрочем, об этом сейчас рано говорить. Пока тебе следует запомнить одно: в мае мои хорошие знакомые устраивают прием, и я хочу, чтобы ты там присутствовала. Валентина считает, что ты будешь не готова к этому времени, и я хочу доказать ей обратное.

Юлька вытаращилась на Марту Рудольфовну. Так вот что значили слова об оценке с помощью большого жюри!

– То есть как это.... – пролепетала она. – Вы меня с собой в гости возьмете, что ли?

– Не заикайся. Да, возьму. И хочу, чтобы ты к этому времени выглядела прилично. Потом мы с Валентиной попросим нескольких мужчин и женщин, чтобы они честно сказали, что думают о твоей внешности. Элементарно.

Все сказанное звучало дико, но у Юльки не было никаких сомнений, что ведьма так и сделает. Она захочет оценить результат своей работы, и для этого ей потребуются независимые эксперты. Эксперты посмотрят на домработницу Марты Рудольфовны и одобрительно кивнут (что вряд ли), пожмут плечами (что маловероятно) или сочувственно покачают головой (скорее всего). Представив такую перспективу, Юлька чуть не взвыла.

– Поскольку времени остается не так много, – продолжала Конецкая, – а работы – поле непаханое, то начинаем с завтрашнего дня. Будешь учиться одеваться, держаться, краситься и смотреть. И всему остальному тоже.

Юлька переварила информацию и вопросительно взглянула на хозяйку.

– Неужели вы в самом деле собираетесь сделать из меня красавицу? – недоверчиво спросила она.

Теперь, когда ей стал ясен план Марты Рудольфовны, она не могла поверить, что умная и ценившая свое время старуха связалась в такое безнадежное предприятие.

Марта закурила, выпустила вверх из накрашенных морщинистых губ струйку дыма.

– Запомни вот что, – спокойно сказала она. – Есть красо-

та односекундная, когда посмотрел на человека, поразился его красоте, потом еще раз взглянул – и все, переключился на что-то другое. А есть – долгая, когда хочется смотреть, не отрывая глаз. Ее нельзя разложить на составные части, на правильные черты лица. А иной раз на правильные и не раскладывается, потому что нос великоват, глаза слишком раскосые и уши оттопыренные... Ты можешь даже не понять, что это и есть – настоящая красота. – Старуха стряхнула пепел, прикрыла перламутровые веки и закончила: – Именно такую красоту из тебя и можно сделать. А точнее – только такую и можно.

Глава 4

Лена проснулась не по сигналу будильника, а на минуту раньше и целых шестьдесят секунд лежала, наслаждаясь тишиной, наблюдая из-под полуприкрытых ресниц за быстрыми, рваными шагами стрелки. В голове звучало мерное «тик-так-тик-так», и больше всего хотелось провести в таком состоянии не минуту, а весь день, чтобы вместо мыслей был только бесстрастный отсчет секунд.

Она отключила будильник за мгновение до того, как он должен был прозвонить, и почти сразу услышала сонный голос матери из соседней комнаты:

– Лена, проснулась? Вставай, у тебя часы отчего-то не работали!

– Встаю! – крикнула она, в который раз поражаясь способности матери улавливать не то что шорохи – казалось, даже мысли. Когда-то Лена сравнивала ее с подсолнухом, но сравнение было неверным – скорее уж Ольга Сергеевна напоминала радар, чувствительный к малейшим колебаниям воздуха. А воздухом была Лена.

– Что-то ты сегодня сумрачная, – озабоченно сказала Ольга Сергеевна, появившись в спортивном костюме на кухне, где завтракала дочь. – Плохо спала?

Она всегда вставала рано, делала гимнастику, растирала лицо кусочком льда с добавлением настоя ромашки, стяги-

вала редкие волосы в аккуратный пучок на затылке, пять минут хлопала себя по подбородку – чтобы не отвисал, и после всех этих процедур и манипуляций излучала энергию, от которой Лене почему-то хотелось закрыться зеркальным щитом. Сама она по утрам напоминала себе ежика, которого развернули силком и вот-вот дотронутся чем-то холодным и неприятным до его незащитного брюшка. Хотелось свернуться обратно, заползти в нору и лежать, зажмурив глаза, слушая шелест листьев над головой. Но мать с детства приучала ее к тому, что вставать нужно бодрым, а утренняя вялость и нежелание общаться с миром – что-то вроде постыдного порока, в котором ни в коем случае нельзя признаваться.

Спалось Лене ночью и в самом деле плохо, но говорить об этом бодрой матери не хотелось.

– Нормально я спала, мам.

– Врешь, – заметила Ольга Сергеевна. – Я же вижу. На, выпей.

И сунула дочери под нос чай из своих травок, заботливо настоящий в термосе.

– Мам, да я не хочу...

– Пей, тебе говорят!

Лена подчинилась. Горьковатый чай согрел ее, и она и впрямь почувствовала себя лучше. Неудовольствие, сидевшее в глубине души, почти исчезло, и Лена быстро собралась на работу, испытывая что-то похожее на воодушевление. Это

состояние так редко посещало ее последние годы... «Не потерять бы его».

Но когда она шла по офису редакции, то поняла, что воодушевление было иллюзией, посетившей ее на короткое время и незаметно исчезнувшей. Иллюзия оставила после себя ощущение утраты и слабое воспоминание о том, что когда-то каждый ее день начинался не с мечты пролежать в постели весь день под тиканье будильника в голове, а с совсем других мыслей и чувств.

Она заглянула в кабинет к Ерофееву и обнаружила у него молодого человека – бледного, сутулого, непритязательно одетого. Сам Ерофеев, вальяжно закинув одну пухлую ногу на другую, учил юношу жизни, однако при появлении Лены прервался и даже попытался поцеловать ей ручку – не оттого, что был старомодно-галантен, а из желания пустить пыль в глаза новому человеку.

– Саша, мне не до твоих лобзаний. – Лена мягко, но решительно отобрала руку. – Где Грищук? Мы с ним должны тему утвердить, я специально пораньше приехала, а его нет.

– Будет, Леночка, будет тебе Грищук! Митя, познакомься: это наша Елена Дмитриевна, оч-чень ценный кадр. – Он сочно выделил «ч» в слове «очень». – Если тебе повезет, Елена Дмитриевна согласится дать пару уроков, или, иначе говоря, лекций, а еще точнее – проведет беседу...

– Саша, прости, – перебила Лена. – Если зайдет Грищук, скажи ему, что я в бухгалтерию спустилась, хорошо?

– Ладно, – недовольно отозвался тот.

Лена вышла из кабинета, неплотно прикрыв за собой дверь, и до нее сразу донеслось небрежно брошенное:

– Ушла наша звезда... Не захотела на тебя время тратить.

– А это кто?.. – спросил неуверенный высокий голос. – Сама Дубровина, что ли?

– Именно! – с напускным энтузиазмом воскликнул Ерофеев. – Именно, что сама! Понял, с кем работать будешь? Вот то-то.

– А ты знаешь, отчего она писать-то перестала? – Парень был ужасно заинтригован, чувствуя, что подобрался к человеку, обладающему разгадкой волнующей его тайны. – Знаешь, Саш?

Лена поморщилась и хотела уйти, чтобы не слышать ответа, но из двери напротив вышел человек, которого она меньше всего хотела бы видеть в эту секунду, и от растерянности она замерла на месте. Вася Ковригин помахал кому-то, скрытому от ее глаз, затем обернулся, увидел Лену, и его добродушная улыбка исчезла, а вместо нее появилась неловкая, совсем ему не идущая.

– Привет, – сказал Ковригин.

Лена поняла, что сейчас и он услышит то, что скажет Ерофеев, и, махнув рукой и изобразив на лице видимость страшной занятости, торопливо пошла прочь. Но громкий, торжествующий голос Ерофеева догнал ее в нескольких шагах от двери.

– Исписалась, вот почему! – И повторил по слогам, забивая каждый, как гвоздь, ей в голову: – Ис-пи-са-лась!

Спустившись по лестнице, Лена не пошла в сторону бухгалтерии, а остановилась возле потрескавшегося подоконника и, подумав, вытащила сигарету. Закурила, выпустила дым, растекшийся по стеклу. За окном распушившиеся синицы оккупировали клен: они скакали по веткам над грязными машинами сотрудников редакции, тинькали и тенькали, словно специально поворачиваясь к Лене так, чтобы она со всех сторон могла рассмотреть их желто-синее оперение.

Ей вспомнилось, как шесть лет назад она стояла возле такого же потрескавшегося «курительного» подоконника в другом доме на другом конце Москвы, смотрела на синиц и не верила своему счастью – подписанному договору на издание ее книги.

Когда-то Елена Дубровина окончила факультет журналистики и стала работать в ежемесячном журнале. Воспитывала ее мать, целеустремленная женщина с профессионально острым взглядом. Леночкин отец отчего-то сбежал от Ольги Сергеевны, не взяв с собой даже бритвы, и эта бритва долгие годы торчала на полочке в ванной, высовывая из-за тюбиков прямоугольную змеиную головку – напоминала о бывшем владельце. В конце концов при переезде ее выбросили, а с ней исчезла и вся память о Дмитрие Дубровине.

Леночка росла с мамой, которую очень любила. Бабушки

с дедушками жили далеко, Дмитрий с дочерью не общался, и ей не с кем было советоваться и дружить, кроме матери.

Ольга Сергеевна, педагог по призванию, своей работой в школе была довольна. Уже много лет она преподавала детям русский язык и литературу, и хотя учителя помоложе между собой поговаривали о том, что Дубровина тщетно метит в завучи, со стороны казалось, что Ольга Сергеевна находится на своем месте: образцовая учительница, строгая, но справедливая. Она прикладывала немалые усилия к тому, чтобы знать как можно больше о личной жизни своих учеников, следила за тем, кто в кого влюблен, кто с кем дружит, кто пробивается в неформальные лидеры класса, а кто остается на вторых ролях... Все это Ольга Сергеевна использовала в работе, виртуозно управляя учениками, находя особое удовольствие в том, чтобы дирижировать «сложными» семиклассниками. «Дети у Дубровиной по струнке ходят», – говорили о ней, и это была правда.

Конечно, временами попадались трудные воспитанники, на которых Ольга Сергеевна могла очень мало влиять. В этом случае она находила утешение в дочери.

Ольга Сергеевна положила на Лену всю свою жизнь. Она занималась с ней музыкой и чистописанием, водила ее в кружки и по музеям, отдавала ей все свободное время, растя себе идеальную девочку. Идеальная девочка должна была быть любящей, послушной и внимательной к матери. Опасаясь подросткового бунта и зная по своим ученикам, как

часто они отказывают родителям даже в толике благодарности, она заранее давила любой всплеск возмущения в дочери. Возможно, с другим ребенком это было бы непросто, но с Леной Ольге Сергеевне повезло: девочка была больше похожа на своего отца, чем на нее, — тихая, робкая, очень зависимая от чужого мнения. Светленькая, с редкими веснушками, часто болевшая — в детском садике ее дразнили немочью.

Даже потерпев очередное педагогическое поражение в частном, глобально Ольга Сергеевна могла торжествовать — ее дочь выросла такой, какой она хотела: послушной, ласковой, обожающей маму и слушавшейся ее беспрекословно.

Лена была наблюдательна, неглупа, много читала и временами погружалась в состояние, которому сама придумала название «провалы». «Проваливалась» она в себя, точнее, в странный мир только собственных, опережающих друг друга фантазий и видений. Особенным ее увлечением стали исторические романы: Лена проглатывала их один за другим, и в ранце у нее всегда лежала книжка, за которую она хваталась, как только выдавалась свободная минута. Другого похожего на нее ребенка в школе могли бы и затравить, но ей повезло с одноклассниками — на нее просто махнули рукой и оставили в покое.

Лену справедливо называли рассеянной, удивлялись, посмеивались, а Ольга Сергеевна даже водила девочку к психологу, надеясь получить волшебные таблетки, которые сделают дочь «такой, как все». С психологом юной Лене удиви-

тельно повезло, потому что никаких таблеток ее маме не дали, а наоборот – посоветовали оставить ребенка в покое.

Оставленная в покое девочка выросла, продолжая «проваливаться» в свои фантазии, и где застигнет ее очередная яма – в трамвае или на совещании, – предсказать было невозможно. Она часто чувствовала себя несчастной без всякой причины, много раз представляла, как в один прекрасный день сядет и запишет все, что накопилось у нее в голове, и освободится от этого мусора, от всех людей, по-хозяйски осевших в ее памяти, будто они имели на это право, от десятков историй, невольно подслушанных в троллейбусах и очередях... В журнале она сначала работала внештатным корреспондентом, затем пробились и в штат. Ей нравилась суматошная, непредсказуемая работа, позволяющая накапливать впечатления, которые Лена по-прежнему называла «мусором», хотя теперь относилась к ним иначе: бережно.

В институте Лена влюбилась – первый раз в жизни. Любовь ее была во многом надуманная, срисованная с книжных историй, но она оказалась взаимной, и в девятнадцать лет счастливая Лена сообщила матери, что хочет жить вместе со своим избранником – тому повезло иметь пусть маленькую, но зато собственную комнату в коммуналке. Ольга Сергеевна, поначалу неприятно пораженная этой новостью, быстро взяла себя в руки и пообещала дочери поддержку и материнское благословение.

Лена переехала к своему Вадиму, начала привыкать к ре-

альной жизни отдельно от мамы и даже находить удовольствие в свободе, свалившейся на нее так поздно. С гражданским мужем они регулярно ссорились, но все размолвки заканчивались бурным примирением, и в конце концов Лена и Вадим решили расписаться, а там, глядишь, и завести детей.

Но тут случилось то, что нарушило планы обоих. У Ольги Сергеевны внезапно начались жестокие мигрени. Лена видела, что мать всеми силами старается скрыть от нее свои страдания, и безмерно сочувствовала ей. Она стала подолгу бывать в старой квартире, помогая матери по дому и просто проводя с ней время, – в присутствии дочери Ольга Сергеевна чувствовала себя лучше. Вадим, поначалу стоически выносивший отлучки жены, постепенно накапливал раздражение и вскоре уже не скрывал, что его не устраивает такое положение дел. «Ты живешь на два дома! – упрекал он Лену. – Если твоя мама больна, пускай ложится в больницу и лечится! Пойми, она эксплуатирует тебя!»

Ссоры с ним стали частыми – слишком частыми для пары, жившей вместе всего год. Очередной отъезд Лены домой на майские праздники (они с Вадимом договорились провести их на даче у друзей, но Ольга Сергеевна в эти дни почувствовала себя как никогда плохо, и, конечно, о друзьях не могло быть и речи) закончился скандалом, после которого Лена увидела, с какой бездушной свиньей она все это время жила. Вадим показался ей собственником, не желающим ни с кем делиться любимой игрушкой. Она вернулась к матери,

и жизнь их потекла так же спокойно и тихо, как прежде.

Лена работала в журнале, изредка встречалась с молодыми людьми, иногда даже знакомила их с мамой. Дальше этого дело не шло, и постепенно девушка уверилась, что причина в ней: это она – ущербный человек, не способный привязать к себе ни одного мужчину. Все чаще Лена выдумывала истории, которые помогали ей отвлечься от серой, душной жизни, словно покрытой толстым ковром, который много лет никто не выбивал.

А потом она села и написала книгу.

Отчего у нее получился именно исторический любовный роман, Лена так и не смогла объяснить журналистам. Она не любила женские романы и не читала их, над «Унесенными ветром» лишь пожимала плечами, а при упоминании «Поющих в терновнике» морщилась – скучно, затянуто, да и неправдоподобно... Вот у нее все будет как в жизни.

И у нее действительно все оказалось как в жизни. Люди, списанные ею со знакомых, друзей и коллег, легко и непринужденно располагались там, куда переносил их автор, – в России середины восемнадцатого века. Примеряли костюмы, прилаживали парики, пудрились и отправлялись на свидания. Уезжали за границу, ссорились и влюблялись, успевая в перерывах отчаянно интриговать. Главная героиня, остроумная Елизавета Шемякина, ввязывалась в одну авантюру за другой, с блеском выходила из опасных положений, крутила романы, оставляя за собой разбитые сердца кронпринцев,

принцев и прочей знати.

Быть бы написанному Еленой Дубровиной полной чужью, если бы не одно обстоятельство – Лена оказалась талантливей. Чистый, ясный, простой язык, лишенный журналистских штампов; крепко сколоченное действие без натяжек и несостыковок; разнообразные, колоритные, запоминающиеся персонажи и, наконец, историческая канва сюжета, густо приправленная убедительными деталями, – все это сразу захватывало читателя в плен, не давало оторваться от книги.

Но, кроме того, имелось еще кое-что: в романы Дубровиной была вложена душа. Читатель чувствовал, что автор любит своих героев, переживает за них и, может быть, даже плачет, как и он сам, перечитывая отрывок о гибели Катюши, служанки и наперсницы Шемякиной. Будто забывая о том, что она пишет всего лишь увлекательное чтиво, писательница, безбожно тормозя сюжет, подробно описывала дом, в котором выросла героиня, и это неожиданно оказывалось интересным читателю. Она не забывала второстепенных персонажей – изменяла их жизнь, влюбляла, женила, мимоходом упоминала о родившихся у них детях, хотя это не имело прямого отношения к сюжету. Выдуманный ею мир становился все объемнее и реальнее.

Написав первую книгу, Лена почувствовала, что у нее выросли крылья. Она похорошела, расцвела и в один прекрасный вечер, познакомившись с фотографом, работавшим в журнале, влюбилась в него и заставила его влюбиться в се-

бя. Фотограф, к которому женщины благоволили, разглядел в Лене что-то такое, от чего совершенно потерял голову. Он развлекал ее, как мальчишка развлекает подружку из соседнего двора: водил в цирк, покупал мороженое на набережной Москва-реки, катал на колесе обозрения... А потом увез в Португалию, где они провели прекрасную неделю, переезжая из города в город – веселые, счастливые, обожающие друг друга.

По возвращении упоенная любовью Лена начала строить планы совместной жизни, а Вася – за смешное имя и ленивые манеры она дразнила его Васькой-котом – подыскивал им квартиру поближе к его и ее работе.

Идиллия закончилась тогда, когда подруга Ольги Сергеевны случайно проговорилась Лене о том, что у ее возлюбленного есть пассия, живущая в их доме и воспитывающая его ребенка. Вася пытался что-то сказать в свое оправдание, блеял, что ребенок не его и хотя с матерью девочки у него и в самом деле были близкие отношения, но он уже разорвал их... почти...

Лена снова возвратилась к маме из квартиры, которую фотограф успел снять для них обоих, и три месяца жила, словно обернутая ватой. Мать постоянно была рядом с ней: утешала, водила гулять, развлекала как могла, и от ее заботы у Лены сжималось сердце. А когда Ольга Сергеевна купила билеты в театр как раз на тот спектакль, куда Лена хотела пойти со своим Васей, и она увидела их стоимость, то не выдержала и

разрыдалась – матери нужно было копить деньги несколько месяцев, чтобы позволить себе так побаловать дочь.

– Мамочка... ты у меня самая лучшая, самая любимая, – рыдала Лена, уткнувшись в колени Ольги Сергеевны. – Мамочка, прости меня, пожалуйста!

– Леночка, солнышко мое, за что же мне тебя прощать... – чуть не плакала Ольга Сергеевна, обычно стойкая, как оловянный солдатик, не позволяющая себе «сентиментальничать» ни при каких условиях. – Это я перед тобой виновата – должна была раньше тебя предостеречь! Видела же, что этот мужчина – совершенно не твой, что он тебя портит... Думала, ошибаюсь.

Она обнимала глупую свою девочку, и гладила ее по гладким русым волосам, и говорила-говорила-говорила: о том, что все горести останутся в прошлом, что скоро у них все наладится, а Лену она ни в чем не винит. Ошибку может совершить каждый.

Лена попыталась собрать себя из рассыпавшихся кусочков, но даже с помощью мамы у нее это не получалось. Чтобы вывести себя из состояния, когда постоянно хочется лечь и уснуть навсегда, она начала писать следующую книгу. От этого ей и впрямь стало лучше – гораздо лучше, чем от тех успокоительных таблеток, которыми кормила ее озабоченная Ольга Сергеевна.

Тем временем первый роман, выпущенный скромным тиражом в семь тысяч, долго лежал на полках, но в конце кон-

цов был раскуплен. Второй смели сразу же, как только книга «Амулет и корона» появилась в магазинах. Издатель решил рискнуть и поставить на темную лошадку Дубровину, поэтому тираж увеличили до двадцати тысяч. Никакой рекламной кампании не проводилось, но она оказалась и не нужна – сарафанное радио сработало лучше любой рекламы. После третьей книги критики заговорили о том, что Елена Дубровина вывела русский женский роман на новый уровень – в определенном смысле так оно и было, потому что до нее пятидесятитысячный тираж книги, написанной в жанре женского романа, никогда не распродавался за две с половиной недели.

Дубровину стали называть феноменом, искать на ее примере критерии успешности, спорить до посинения о том, кем же она является – талантливым эпигоном Анн и Сержа Голон или все-таки самобытным автором. Большинство критиков сходились на самобытном эписоне.

Читателям же не было никакого дела до того, как классифицируют любимого писателя: они с нетерпением ожидали новой, четвертой книги. Но когда роман вышел, оказалось, что Дубровина преподнесла всем сюрприз.

Никакой эпохой восемнадцатого века в книге и не пахло – место действия перенеслось в современную Россию. Дубровина сохранила формальную связь с предыдущими романами, и главным действующим лицом стала праправнучка Елизаветы Шемякиной, но на этом сходство заканчивалось.

В книге рассказывалась нежная, проникновенная любовная история – без излишнего философствования, без следования модным приемам, лишенная динамичных погонь... Издатель хватался за голову и предрекал провал.

Сорокатысячный тираж был скуплен за два месяца и затем допечатан – до ста тысяч экземпляров, которые тут же разошлись. Ошеломляющий успех писателя, о котором еще год назад никто не знал, породил толпу последователей, пытавшихся писать «под Дубровину». Безуспешно. Слава звезды женского романа досталась только ей.

Из Лены попытались сделать «звезду» в самом пошлом смысле слова: пиар-служба издательства настаивала на ее интервью крупным журналам, предлагала писательнице участвовать в телевизионных проектах, убеждала ее согласиться вести колонку в еженедельной газете «для избранных». На нее сыпались выражения «медиаперсона», «подогреть интерес прессы», «засветиться на мероприятии»... Но во всей суматохе, поднявшейся вокруг нее, Лена оставалась едва ли не единственным человеком, не охваченным ажиотажем по закреплению на литературном небосводе своей «звезды».

Она отмахивалась от любых интервью, не пересказывала журналистам сплетни и не соглашалась комментировать последние решения президента. Попытки заставить ее танцевать джигу на брусках («Проект главного телеканала! Самые известные люди!») не вызывали у Лены ничего, кроме смеха.

Оказалось, что ее мало занимало то, что происходит вокруг нее в связи с возросшей популярностью: она была так погружена в свою работу, что не интересовалась почти ничем, что не имело к этому отношения.

Возможность возрождать на бумаге события и людей, существовавших только в ее воображении, завораживала Лену, как ребенка, вертящего перед глазами калейдоскоп. Поворот – и красочные стекляшки сложились в чарующе красивую картину, поворот – рассыпались, снова сложились, уже по-другому. Она наблюдала за людьми, подглядывала, подслушивала, ощущая себя лазутчиком в чужой стране, который должен принести главнокомандующему как можно больше сведений о противнике – любых, чего бы они ни касались. Ее страной теперь стали книги, и это было счастьем. Она сбегала в мир, куда никому не было доступа, кроме нее самой, и чувствовала себя свободной от всех, в том числе и от матери.

У Ольги Сергеевны появился новый смысл в жизни – она вплотную занялась делами дочери. Здесь ее удушающая опека оказалась уместной: Лена ничего не понимала ни в контрактах, ни в расчетах с издательством, и вмешательство матери помогло ей избежать многих ошибок. Со свойственной ей властностью и незыблемой уверенностью в своей правоте Дубровина-старшая диктовала дочери, что говорить на встречах с издателями, как вести себя с читателями, какие автографы ставить на книгах.

– Боже тебя упаси писать: «Желаю счастья и здоровья!» –

учила она. – Писатель должен быть умным и авторитетным, он не может позволять себе банальностей!

Видя по лицу дочери, что ее поучения тщетны, Ольга Сергеевна составила список подходящих, по ее мнению, афоризмов, которые Лена должна была оставлять читателям, жаждущим автографов. Ее любимой цитатой стала: «В сущности, мир существует лишь для того, чтобы могла появиться еще одна прекрасная книга» из Стефана Малларме. К счастью для Лены, стеснявшейся подписывать свои книги столь нескромным высказыванием, встречи с читателями случались нечасто, и слова Малларме применялись намного реже, чем хотелось бы Ольге Сергеевне.

Закончив с технической стороной, Дубровина-старшая обратилась к творческой и сделала несколько замечаний, касающихся характеров персонажей последней книги и развития сюжета. Она показала Лене, что именно следует исправить, и даже предложила свою помощь.

Но здесь ее ожидал неприятный сюрприз. Лена категорически отказалась править что-либо в своих книгах и проявила такую неуступчивость, какой Ольга Сергеевна прежде и не подозревала в дочери.

– Но ты же правишь текст, когда согласовываешь его с редактором! – воззвала она к ее логике.

– С редактором – да. А с тобой – не буду, – отрезала Лена. – К тому же редакторская правка касается только стилистики, а ты хочешь, чтобы я переписала заново всю героиню.

Я этого не сделаю.

Пораженная до глубины души фактом и формой отказа, Ольга Сергеевна пыталась надавить на дочь, взывала к ее совести и убеждала, что желает ей только добра... Лена замкнулась, помрачнела, но на мамины уговоры так и не поддавалась. Тогда Дубровина-старшая применила тяжелую артиллерию.

– Ты не доверяешь моему профессиональному чутью, – с горечью сказала она дочери. – Я преподаю русскую литературу тридцать лет, а ты не хочешь даже чуть-чуть прислушаться к моему мнению. Прости, Лена, я от тебя такого не ожидала. От любого другого человека – быть может, но понять, что собственная дочь тебя в грош не ставит...

– Мама... – растерянно возразила Лена, – что ты! При чем здесь недоверие...

Но Ольга Сергеевна уже не слушала. Смахнув выкатившуюся из глаза слезу, она одним жестом отмела все возражения дочери и ушла в свою комнату. На робкие Ленины попытки примириться Ольга Сергеевна отвечала молчанием, и Лена поняла, что мать обиделась на нее всерьез.

Ссору Лена переносила тяжело. Наблюдая за дочерью со стороны, мать видела, что управлять ею не сложнее, чем подростком, а в чем-то даже и легче: Лена так сильно зависела от Ольги Сергеевны, от ее одобрения, от внимания, что чувствовать себя виноватой в ссоре было для нее нестерпимо. «Хорошая девочка, – с сочувствием думала Ольга Сергеев-

на, видя, что дочь страдает, раз за разом пытаюсь помириться и снова получая отказ. – Но лучше провести лечение сейчас, пусть даже такое жестокое, чем позволить, чтобы она закоснела в своем творческом самолюбии».

Молчание продолжалось почти неделю, а затем Ольге Сергеевне позвонили из издательства. Редактор осторожно рассказал, что Лена не сдала рукопись, которую должна была закончить пару дней назад, и на все вопросы отвечает, что не в силах сейчас завершить работу. Не знает ли уважаемая Ольга Сергеевна, что происходит с ее дочерью?

И тут она неожиданно поняла, в какой хрупкий мир вторгается. Первый раз в жизни Ольга Сергеевна не смогла настоять на своем в отношениях с Леной, и это было невыносимо. Промучившись сутки, Ольга Сергеевна спасовала и первая пошла на примирение. Больше разговоров об исправлении текстов в соответствии со своими вкусами она не заводила.

Лена благополучно закончила книгу, начала писать следующую...

А затем вдруг остановилась.

Контракт с издательством был разорван. Ошеломленно-му главному редактору Дубровина сообщила, что больше писать не будет. «Не можете?» – уточнил он. «Не буду», – был ответ.

Издательство обратилось за разъяснениями к Ольге Сергеевне, но та твердила одно: «Пусть моя дочь решает сама – лишь она знает, что для нее лучше». И после нескольких

безрезультатных бесед от нее отступились.

Журналисты строили предположения о том, чем вызвано решение популярного автора. В интернете создалось сообщество поклонников творчества Елены Дубровиной, обещавших выдать денежный приз тому, кто назовет истинную причину молчания писательницы и предоставит доказательства своей правоты. «Исписалась», «осознала свою бездарность», «решила временно остановиться»... Дубровина не подтверждала и не опровергала ни одного из этих мнений. Однако любители ее творчества сомневались: по последним книгам нельзя было сделать вывод о том, что Дубровиной, как утверждали недоброжелатели, «больше нечего сказать своему читателю». Напротив – она писала лучше, чем прежде, увлекательнее, но в то же время не становясь поверхностной.

Последний ее роман отчасти был детективным. И журналисты, и читатели ухватились за эту ниточку: возникло предположение, что следующая книга задумывалась как продолжение, и в ней Дубровина, часто бравшая сюжеты из жизни, собиралась разворошить чью-то тайну. Роман разобрали по строчкам, для каждого героя нашлось полтора десятка прототипов, от олигарха до художника, выдвигались самые фантастические гипотезы... Одна еженедельная газета вышла с заголовком: «Кто заставил навсегда замолчать писательницу?», в другой заявлялось: «Дубровина подошла к отгадке страшной тайны Мавзолея!»

Однако и расследования читателей, и всплески маразма желтой прессы оставались лишь догадками, которые никто не мог подтвердить.

Постепенно шумиха заглохла. Лена по-прежнему не давала интервью, и поддерживать интерес прессы к ней оказалось нечем. На сайте, посвященном творчеству Дубровиной, по инерции продолжались споры о причинах ее решения, но и они вскоре превратились в пустопорожнюю болтовню. Время от времени появлялись читатели, добавлявшие новые идеи в копилку версий: так, одна дама утверждала, что Дубровину «перекупили» – якобы конкурирующее издательство предложило писательнице круглую сумму за то, чтобы она прекратила творческую деятельность. Однако обосновать, зачем же издательству-конкуренту потребовалось таким странным способом «убирать» автора с литературного рынка, читательница не смогла, и обсуждение ее версии заглохло.

Тем временем Лена вернулась туда, где она работала после института, – в ежемесячный журнал «Времена». Главный редактор сделал вид, что облагодетельствовал временно сбившуюся с пути журналистку, Лена сделала вид, что раскаялась в своем уходе, и все пошло по-прежнему. Теперь Дубровина вела собственную рубрику. Она сама выносила и предложила редактору идею, и поначалу он сопротивлялся: Лена хотела в каждом новом номере описывать жизнь какого-нибудь человека с интересной профессией или просто с

необычной судьбой, да еще и название своей рубрике придумала неудобоваримое – «Следы на песке». Помилуйте! Какие следы на песке в современной журналистике?

Однако Елена настаивала, нашла героев, сделала несколько «историй»... Они были опубликованы, и вдруг оказалось, что это хорошо, что это читают! С тех пор рубрику прочно закрепили за Леной, и «Следы на песке» стали своего рода визитной карточкой, по которой ее узнавали.

Лена примяла окурок в жестяной пепельнице, поправила волосы, глядя на свое расплывчатое отражение в окне. Худая испуганная женщина с усталым лицом: круги под глазами видно даже в щадящем свете, падающем сквозь мутное стекло. «Тридцать четыре года, а выгляжу на все сорок», – мысленно сказала себе Лена и добавила вполголоса:

– Хотя кому это важно...

– Что важно?

Звонкий голосок раздался над ухом так неожиданно, что Лена вздрогнула. Довольная эффектом красавица Катенька Солина, которую не портил даже длинный белый рубец на правой щеке, прибежавшая из бухгалтерии с утра пораньше выкурить сигаретку, расхохоталась:

– Дубровина, что с тобой? Спишь на ходу?

– Сплю, Катюш.

– А напрасно! Сивый-то уже приехал!

– Как приехал? – встрепелась Лена. «Сивым» в журнале

фамильярно звали главного редактора за преждевременную густую седину с зеленоватым отливом.

– Так! Я его видела десять минут назад.

– Тогда я побежала! Спасибо, Кать!

Лена торопливо поднялась по лестнице, обдумывая на ходу, как убедить Грищука, если он воспротивится ее выбору. Правда, такое случалось нечасто, но на этот раз Лене особенно хотелось настоять на своем – очень уж человек был для нее интересный. Так ничего и не придумав, она постучала в дверь кабинета без таблички и вошла с твердой уверенностью, что материал должен получиться таким, каким она его задумала, даже если Сивый упрется, как баран.

Однако изобретать ничего не пришлось. Грищук дал добро, и четверть часа спустя обрадованная Лена вышла из его кабинета, прикидывая, когда лучше позвонить новой героине, чтобы договориться о встрече. «Пожилая женщина... Ранно утром беспокоить неудобно... Наверное, около одиннадцати позвоню».

Она еще раз проверила, правильно ли записала имя: «Марта Рудольфовна Конецкая».

– Марта Рудольфовна, – вслух повторила Лена, пряча записную книжку в карман потертой сумки.

Телефонный звонок застал Бабкина в машине возле дома Ники Церковиной, с которой, по утверждению Костики, дочь бизнесмена Тогоева была в приятельских отношениях.

– Серега, – сказал в трубку Макар с хорошо знакомым Бабкину азартом, означавшим, что он разрабатывает какую-то свежую идею, – я собираюсь подлечить спину и поэтому уезжаю завтра на пару недель. Дело о поиске Сахаровой остается на тебе. Справишься?

Быстро взвесив все «за» и «против», Бабкин пожал плечами, хотя видеть его Илюшин никак не мог.

– Постараюсь. Далеко едешь?

– В санаторий неподалеку от Тихогорска. Скорее всего, жить я буду не в нем, а в частном пансионате.

– Зачем?

– В санатории, говорят, не лучшие условия. К тому же мне хочется найти ответ на одну небольшую загадку².

Пожелав Макару удачи, Бабкин выключил телефон и хмуро взглянул на экран.

– Значит, работаем самостоятельно, – объяснил он трубке и вышел из машины.

Работу нельзя было назвать сложной, но она, по определению Бабкина, относилась к разряду «мугторных», то есть монотонных и однообразных. За два дня он убедился, что Юли Сахаровой-Тогоевой нет ни у одного из бывших друзей, хотя не исключал, что девушка хорошо спряталась. Сергей пока не опрашивал соседей, удовлетворившись разговорами с «околоподъездными» старушками, – опасался спугнуть девчонку, если слухи о расспросах дойдут до нее.

---

² Читайте об этом в романе Елены Михалковой «Призрак в кривом зеркале».

Отъезд Макара немного менял в его планах: как правило, «черная» часть работы в виде слежки и выяснения места нахождения «объекта» доставалась именно Бабкину. Однако, представив, что ему предстоит и дальше одному выяснять, где же в настоящее время пребывает Юлия Сахарова, Сергей помрачнел.

«Ладно.... Не будем тянуть кота за хвост».

Он подошел к дому как раз вовремя: из подъезда выходила пожилая женщина с двумя мелкими кудлатыми собачонками на путающихся поводках. Бабкин придержал для нее дверь, а затем беспрепятственно зашел в подъезд, где сильно пахло свежей краской.

Ника Церковина открыла на его звонок, не спрашивая, кто пришел. Она оказалась полнотелой блондинкой с сонными глазами и сильно выдающейся вперед нижней губой, такой пухлой и красной, словно ее искусали. В первую секунду Сергей удивился ее доверчивости, но затем понял, что у девушки имелась причина не соблюдать простых правил безопасности: из-за ее спины выглядывали два крупных лоснящихся ротвейлера. Один, ощерив клыки, обнюхал ботинок Бабкина.

– Веста, назад! – приказала Ника. – Мужчина, вам кого?

– Здравствуйте, меня зовут Сергей. – Бабкин покосился на собаку, но не двинулся с места. – А вы – Ника?

Церковина кивнула, настороженно глядя на него.

– Я хотел бы поговорить с вами о Юле, вашей подруге.

– Сахаровой, что ли?

В голосе девушки прозвучала враждебность, и Сергей начал опасаться, что совершил ошибку, решившись на открытый разговор. Но следующая фраза Ники успокоила его:

– Она мне не подруга! Я вообще не хочу о ней разговаривать!

Бабкин был уверен, что любая женщина, сказавшая «я не хочу об этом разговаривать», в глубине души желает противоположного. Поэтому он постарался придать голосу мягкости и убедительности и проникновенно произнес:

– Ника, я вас очень прошу мне помочь. Вы – единственный человек, который может это сделать.

Видя, что она колеблется, он полез в карман, и один из псов тут же заворчал, задрав губу и обнажив желтоватые клыки. Девушка ухватила его за загривок, собрав шкуру в складки, и без церемоний оттащила от Сергея. Бабкин достал паспорт, открыл и показал Нике.

Действие это было бессмысленным, но, как и всегда, произвело нужное впечатление: Церковина пробежалась взглядом по страничке и отступила на шаг назад.

– Ну проходите... Сергей Бабкин.

Собаки отконвоировали сыщика в гостиную, как заправские охранники, и ему вспомнились ребята из службы безопасности Тогоева. «Учиться им у ротвейлеров и учиться». Когда один пес лег у его ног, а второй расположился возле хозяйки, Сергей преисполнился еще большим уважением к

неизвестному ему дрессировщику.

– Я понимаю, что Юльку хочет разыскать папаша, – заявила Ника, присаживаясь на подлокотник кресла и жестом указывая Сергею на диван. – Ко мне уже заходили... от него. Я им ничего не сказала, – добавила она после паузы.

– Хотя Юля тогда была у вас... – закончил за нее Бабкин, найдя промежуточный вариант между вопросительной и утвердительной интонацией.

– Откуда вы знаете? – улыбнулась Ника. – Я вижу, вы очень догадливый.

«А я вижу, что ты очень рассержена на бывшую подружку», – подумал Сергей, ощущая себя не в своей тарелке под ее беззастенчивым пристальным взглядом.

Он не умел разговаривать с женщинами и знал это за собой. В отличие от Макара, способного обаять почти любую особь женского пола вне зависимости от ее возраста, Бабкин терялся, если женщины вели себя непредсказуемо, а они вели себя так практически всегда. Со временем он научился скрывать растерянность, маскировать ее невозмутимостью, но сам себя обманывать не мог: общение с мужчинами давалось ему куда легче.

Вот и теперь он со скрытым опасением наблюдал за тем, как Ника Церковина завивает на палец тонкую прядь осветленных волос, в упор глядя на него и еще сильнее выпячивая нижнюю губу.

– Без вас я бы не был таким догадливый, – неуклюже

подыграл ей он. – Ника, а почему Юля ушла?

Сергей хотел спросить «куда», но в последний момент передумал, боясь, что после прямого вопроса девушка не станет откровенничать. И оказался прав. Вопрос «почему?» попал в точку: Ника поморщилась, будто почувствовала боль.

– Она меня просто использовала, а я этого не понимала! Поначалу все было так здорово...

Следующие пять минут Бабкин слушал, что же такое «здорово» в понимании Ники Церковиной. Выяснилось, что это значит шататься вместе по магазинам, знакомиться в клубах и гонять ночью по пустой Москве.

– У Юльки машины нет, – рассказывала Ника. – Так она меня просила: Никуша,пусти меня порулить! Я ей ни разу не отказала! Знаете, как она гоняла?! А потом стала у меня машину требовать каждый день. Я ей говорю: Юленька, мне машина самой нужна, у меня дела, учеба! А ей все равно. Она еще и обижалась на меня!

Слушая Церковину, Сергей почти воочию представлял, как стремительно портились отношения девушек, называвших себя подругами. Родители Ники жили на Севере, и квартира была предоставлена в ее полное распоряжение. Одну комнату она выделила Юльке – «самую шикарную», как выразилась Ника. В этой комнате Сахарова целыми днями валялась на диване с книжкой или смотрела телевизор.

– Даже не убиралась, представляешь? – жаловалась Ника, незаметно перейдя на «ты». – А когда мне надоело жить в

свинарнике и я сама решила обратиться, она мне такой скандал устроила! На всю квартиру кричала!

– Почему? – не понял Бабкин.

Церковина пожала плечами.

– Я ей чем-то помешала. А чем я могла ей помешать, если она ничего не делала?! Если честно, я ее даже испугалась. Она стала как сумасшедшая – лицо белое-белое, и смотрит на меня так, как будто хочет убить. Из-за ерунды, представляешь! Никогда ее такой не видела...

Деньги у Юли закончились довольно быстро, и она стала жить за счет подруги. Поначалу Ника осторожно намекала, что долго так продолжаться не может, затем прямым текстом предложила Сахаровой искать работу. Однако несколько собеседований, на которые сходила Юля, утвердили ее в мысли, что работу нужно искать по знакомству. А знакомства остались вместе с папой в его особняке.

– Я ей предлагала к отцу обратиться, а она в ответ – «сначала испробую все другие способы». Другие способы – это значит на моей шее сидеть, понимаешь?

– Как Юля могла обратиться к Тогоеву, если сама же ушла из его дома, поссорившись с ним? – вслух подумал Сергей.

– Ну... не так все просто... – протянула Ника. – Юлька намекала, что если бы она захотела, то любимый папочка с радостью принял бы ее обратно и выдал ей желаемое на блюде с голубой каемочкой. Но она, мол, такая гордая, что хочет сама всего добиться. Я ей как-то раз сказала, разо-

злившись: иди уже, наконец, к своему папаше, и всем станет легче. Не тут-то было! Хотя... знаешь, Юлька может быть очень целеустремленной. Даже не просто целеустремленной, а упертой, как гвоздь, который только в одну точку можно забить. Она сама себе и гвоздь, и молоток. Представь: вот валяется она на диване, грызет семечки, заедает их чипсами, и кажется, будто бы вся она такая ленивая и никчемная.... А на самом деле это совсем не так! Если она собственную лень переборет и соберется с силами, то может горы своротить и кого угодно заставить делать то, что ей хочется. Кроме отца, конечно, потому что он сам такой же. Она и меня заставляла, пока ей не надоело! А как только Юля перестала на меня обращать внимание, будто я стул в этой квартире, а не хозяйка, меня будто разгипнотизировали, честное слово!

Дальнейшая часть рассказа девушки звучала скомканно. Одно Бабкин понял: Ника фактически выгнала бывшую подругу из своей квартиры. Нелепое Юлино хвастовство о том, что она может заставить отца делать все, что угодно, сыграло Церковиной на руку – она использовала его как предлог, чтобы заставить дочь Тогоева собрать вещи.

– Ты не подумай, я ее не выставила на улицу среди ночи, – оправдываясь, говорила сейчас девушка. – Юлька сама решила, что уйдет. Только не к отцу.

– Неужели к кому-то из своих парней? – нарочито удивился Бабкин.

– Да ты что, кому из них она нужна! Нет, она решила на-

проситься к своей престарелой родственнице. Тете Марте, что ли... Юлька придумала какой-то план с этой тетушкой, но мне не стала ничего рассказывать.

Взглянув на Нику Церковину, Сергей понял, что девушка не притворяется – она и в самом деле обижена на бывшую подругу за то, что та не стала делиться с ней своими планами.

– Марте Конецкой? – уточнил он, хотя и так все было понятно.

– Да, точно! Оказывается, ты и без меня все знаешь...

«Как все просто, – мысленно сказал себе Сергей, спускаясь по лестнице. – Одна девочка обидела другую. Вторая сразу перестала играть роль защитницы подруги, но идти с информацией к ее отцу было бы совсем некрасиво, да и похоже на предательство.... Зато она с удовольствием выложила все, что знает, стоило только задать ей пару правильных вопросов. Пожалуй, только у дуболомов господина Тогоева это могло не получиться».

Он вышел на улицу, прикидывая, как бы половчее объехать неизбежные вечерние пробки. Перед домом толпилась группа молодых ребят и девчонок, и фары проезжавших мимо машин выхватывали из сумерек длинные нескладные фигуры в нелепой, словно надутой, одежде.

«Завтра навещу Конецкую с ее племянницей, – подумал Бабкин, садясь в „БМВ“. – И можно будет рапортовать Тогоеву, что дело сделано».

От стоявшей возле подъезда компании донесся издевательский хохот, и Сергей едва не вздрогнул – на миг ему показалось, что смех этот был ответом на его мысли. Но затем пожал плечами, завел машину и поехал домой в полной уверенности, что практически закончил дело о сбежавшей от всех Юле Сахаровой.

Глава 5

Поначалу зима отползала с улиц неохотно. Дворники так ожесточенно скалывали лед с асфальта, что становилось ясно: они потерпят полное поражение. Так сражаться могут лишь обреченные. Казалось, что ночью сизая ледяная корка снова затянет асфальт, расплзется по улицам и никуда больше не денется.

Лед долго держался – а вместе с ним и зима. А затем, откуда ни возьмись, появился суматошный беззаботный апрель, громко объявил о себе барабанным стуком капли, и город проснулся. Москва встряхнулась, разогнала тучи над головой, надушилась и теперь пахла свежей краской. Красили все: ограды, маленькие заборчики, обновляли стены, пообтрепавшиеся за зиму... Вокруг школ и садилов шумели субботники, и очень быстро стало сухо и тепло, как будто так всегда и было.

Если бы Юлька умела радоваться хорошей погоде, то она, конечно, радовалась бы, потому что с каждым днем во дворе дома Марты Рудольфовны, по утрам залитом весенним солнечным светом, что-нибудь менялось. Посвежели палисадники, заблестели свежеокрашенные двери, а лужа, целый месяц пополнявшаяся подтаявшим снегом, в конце концов высохла сама, не дожидаясь, пока ее по рукаву-ручейку уведет в сток пожилой дворник-таджик. Жизнерадостная юная

травка полезла везде, где был хотя бы клочок сероватой земли, и вскоре двор зазеленел, развеселился и даже успел незаметно украсить себя парой-тройкой болезненно-желтых нарциссов и невинных кудрявых голубоглазых гиацинтов.

Но Юльке было не до преобразования природы вокруг, поскольку куда больше ее занимало то, что происходило с ней самой.

– Начнешь с осанки, – не терпящим возражений голосом приказала старуха две недели назад, и пришлось заняться осанкой.

Теперь каждое Юлькино утро начиналось с того, что она бежала в гостиную, становилась к стенке, выпрямляя спину и прижимаясь так, как велела Конецкая.

– Четыре точки... – бормотала девушка себе под нос, проверяя, правильно ли стоит. – Четыре точки...

Старуха входила в комнату без предупреждения, уже накрашенная, одетая так, словно ожидала по меньшей мере визита министра, и окидывала Юльку, стоявшую навытяжку у стены, цепким взглядом.

– Как стоишь?! – гремела она, и Юлька дергалась от ее окрика. – Подбери зад! Почему у тебя зазор между попой и стеной? А?! Где четыре точки?! Пятки, попа, лопатки, затылок! Пятки-попа-лопатки-затылок!

Таращась в окно, за которым голубело утреннее небо, Юлька судорожно пыталась исполнить приказание. А Марта Рудольфовна вышагивала по комнате, словно полководец,

наставляющий армию перед боем.

– Самое важное, что есть в женщине, – это осанка! – рубила она, дойдя до окна, разворачивалась, скользила взглядом по домработнице. – Дамские журнальчики, объясняющие, как надо правильно краситься, этому не учат – а напрасно. Запомни на всю жизнь: неважно, что на тебе надето, неважно, как ты причесана, – важно, как прямо ты держишь спину. В позвоночнике должна быть струна! Палка! Стержень! Современные молодые женщины все, как одна, безбожно сутулятся, а потом удивляются, почему у них грудь висит над пупком, и пытаются подобрать ее бюстгалтером. К черту бюстгалтеры! Держи спину правильно – и они тебе еще долго не понадобятся.

Юлька, выслушивавшая эту речь каждое утро, незаметно начинала расслабляться, но ее тут же встряхивал новый окрик:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.